

Эльмира Алейникова

Москвичка

Детективная история

Эльмира Алейникова

Москвичка. Детективная история

«Издательские решения»

Алейникова Э.

Москвичка. Детективная история / Э. Алейникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909429-2

Вместе с героями детективной истории Эльмиры Алейниковой вам предоставляется шанс расследовать запутанную историю об исчезновении юной авантюристки из Москвы Анастасии. Оказавшись по воле судьбы в Узбекистане, на берегах Аральского моря, девушка внезапно пропадает, не оставив о себе никакой информации. Все решают, что она утонула в реке Амударье, однако любопытная тётя Рая и молодой дотошный следователь Изентаев думают по-другому.

ISBN 978-5-44-909429-2

© Алейникова Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Москвичка Детективная история

Эльмира Алейникова

*Посвящаю памяти мамы, которая была большой
почитательницей детективных историй*

© Эльмира Алейникова, 2018

ISBN 978-5-4490-9429-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Смотри, Раиса, смотри! Опять эти бесстыдницы устроили невесть что. Срамота! И дети ведь там с ними. Всё видят, всё слышат.

– Тётя Нюра, ну, что ты нервничаешь зазя? Не привыкла ещё к этому что ли? Детей их уже ничем не удивишь, – всего насмотрелись вдосталь. Да ну их всех!

– И музыка вона как гремит на всю улицу, словно свадьбу справляют. Срамота!

– Ага, собачью свадьбу. Пойдем в дом лучше. Чаю попьем. Я сегодня урючного варенья¹ наварила на зиму, оставила немного к чаю. Пойдем.

Женщина открыла калитку, пропуская соседку во двор.

– Ох, а мой Петька ведь тоже там у этих бесстыдниц сидит. Вчера получку принес, мне немного дал на базар один раз сходить, а остальное в кармане оставил. Вот сейчас там и прокутит деньги-то. Господи, ну что за наказание мне на старости лет?

– Тетя Нюра, Петьке твоему скоро сорок стукнет. Что ты за ним бегаешь? Там девки вон какие ядреные. Он не только деньги, душу отдаст, чтобы только пощупать одну из них в тёмном углу. Мой Лёнька тоже рвался к этим, но я ему налила рюмашку водки и всё, уснул и забыл про баб. Вон, храпит на топчане, ирод.

Старуха в белом платке и грязном переднике, опасливо покосилась на спящего мужика.

– Не бойтесь, спит он. До утра теперь будет дрыхнуть. А завтра я ему устрою прочухон такой, что не только про Киямиху забудет, но и имя своё не вспомнит с первого раза. Гад такой!

– А Петьке моему говори не говори – что об стенку горох. Как копеечка в кармане заведётся, так к этой заразе и бежит. Пропьёт-прогуляет всё и домой, к мамке ползёт. Без денег-то больно он Киямихе нужен! Сразу под зад коленом ему даст выдра эта. До получки следующей.

Раиса, женщина немолодая, сочувственно кивала, разливая чай по пиалушкам². Тётя Нюра попробовала свежее варенье и, причмокивая от удовольствия, добавила:

– Лишь бы заразу какую не подхватил, паразит. Там у них какая-то девка из Москвы объявилась. Красивая – просто страсть! Вот Петька и потерял голову совсем. Говорит, она из дома сбежала от родителей, может, и согласится с ним жить. Идти-то некуда всё равно. Только мне от этого не легче. На кой мне бродяжка дома нужна?

– Дурак Петька твой, тётя Нюра! Уж ты не обижайся, но та москвичка за него не пойдёт, как пить дать. Ей лет девятнадцать-двадцать всего, а твоему оболтусу уже вон сколько. Нужен ей он больно! И богатая, вроде бы, девчонка эта. Вчера мой Лёнька рассказывал твоему Петьке во дворе, что де москвичка эта вся в кольцах и цепочках золотых. Говорит, уже продали серьги ейные с жемчугом в городе кому-то, вот и гуляют на эти деньги. То-то я смотрю, вчера они гурьбой из автобуса вышли с сумками, весёлые. И дети потом бегали в магазин за бутылкой сколько раз, пока не закрылся.

– Чего обижаться? Пусть не идет за него. И мне спокойнее жить будет. И золота ейного мне не нужно. Главное, чтобы дед мой ничего не узнал, ну, что Петька снова у Киямихи ошивается. А то опять выгонит сыночка из дому. В прошлый раз даже побил Петьку пьяного. Лопатой совковой огрел по спине так, что дитё потом неделю спину разогнуть не могло. Я ему и смальцем растирала спину-то, и водкой...

– Дала бы ему пол литра и всё. Сразу бы очухался. А то ещё смалец переводить на дурака. Тётя Нюра ничего не ответила, тяжело вздохнув. А Раиса продолжала:

¹ Урючное варенье – абрикосовое варенье. Некоторые сорта абрикоса в Средней Азии называют урюком.

² Пиалушка – русскоговорящие в Средней Азии называют так небольшую чайную чашку без ручки.

– Женить бы его на какой девушке хорошей, чтобы остепенился. Смотришь, и пить бы перестал, и к Киямихе мотаться бы прекратил. За ум бы взялся. И вам с Ерофеичем внуков бы нарожали.

– Да какая нормальная девушка за него пойдет, Раиса? Весь посёлок знает, что он у Киямихи ночует не знамо с кем. Кто же согласится свою кровиночку за непутевого отдавать?

– Это точно. А что, если приезжая какая? Смотри, Илья одноногий привез себе жену то ли из Ангрена то ли из Ахангарана. Дочка уже растёт. А вспомни, как Илью в посёлке все девчонки высмеивали? Ни одна за него идти не захотела.

– Так Илья жену привёз из отсидки. Говорят, в тюрьме пока был, с ней переписывался, так и познакомились. Она к нему на свиданку приезжала даже. А Петька дальше нашего города никуда не ездил никогда.

– А в армию разве не сходил? Я была уверена, что отслужил он свои два года, как все мужики...

– Нет, старик из военкомата не вылазил, пока не добился, чтобы Петьку в армию вообще не брали. Как единственного сына и кормильца. Сейчас думаю вот, зря мы его в армию-то не пустили. Может, ума бы там набрался? Или жену привез? Ох-хо-хо.

Старуха промокнула глаза передником и снова принялась за варенье.

– Хорошее получилось. И зёрнышки внутри урюка. Это ж кто тебе косточки колот и зёрнышки собирал? Работы-то прорва.

– Сын вчера с молотком весь вечер во дворе провозился, но зёрнышек набрал на варенье. Сам любит, чтобы варенье урючное с ядрышками, вот и старался.

– Ты только его подальше от Киямихи держи. Неровен час и он туда же...

– Господи, помилуй! Типун вам на язык, тётя Нюра! Не дай бог!

Раиса подскочила на стуле, но тут же села, перекрестившись. Старуха ухмыльнулась и продолжила:

– А ведь взрослый совсем уже, Ромка-то твой. Каждый вечер с девушками гуляет. Сядут на лавочку перед нашими воротами и давай хихикать. Вчера дед рассердился и вышел их прогнать, а то ведь спать не дают.

– Дело молодое. Когда же с девками гулять как не сейчас? Потом армия, работа, семья. Самое время с девками хороводиться.

– Вот и я говорю, держи ухо востро, Раиса. Киямиха молоденьких ох как любит! Давеча смотрю, Ромка воду носит в баню вашу, а эта выдра из-за забора на него глазами своими бесстыжими зыркает. И медовым голосом таким: «Ромочка, и мне бы воды наносил. Мужика-то нету у меня, а самой тяжело».

Раиса подалась вперед. Глаза женщины загорелись нехорошим огнем. А тётя Нюра, словно не замечая, добавила спокойно:

– Ромка ничего ей не ответил, только улыбнулся и домой. А я ей высказала всё, что думаю о её поведении. Говорю, алкашей обдираешь и хватит тебе, нечего мальчишек соблазнять! Говорю, бесстыжая гадина, гулящая, говорю.

– Хорошо отругала? Я её встречу – добавлю. Ах, какая дрянь! – Раиса сжала в руках кухонное полотенце так, что побелели костяшки пальцев.

– Так Киямиха только ржёт как лошадь. Тебе, говорит, тётя Нюра, завидно, что я молодая да красивая. Да что мужики меня мимо не пропускают. Сама, говорит, всю жизнь свою глупую со старым пердуном Ерофеичем прожила и ничего не видела хорошего. Сына и того алкашем родила. Так я в неё, сразу, камнем бросила, да промахнулась.

– А она что же?

– Ничего. Хохоchet как полоумная и всё. Её Серёжка из-за забора в меня камнем тоже пульнул. Маленький, но уже туда же – хулиган. Милицию бы на них всех натравить.

– Нет на неё управы. Участковый наш, Васька, сам похаживает в её бордель. Вчера вечером своими глазами видела, как он в калитку заходил. А меня заметил, так голову опустил, козырёк надвинул на глаза, как будто и не видит тётку родную. Как дитя малое – мол, я глаза закрыл, и меня не видно.

– Вот-вот. И не говори, Раиса. Если милиция к Киямихе ходит в гости, то что и говорить? Кому на неё жаловаться? Если в поссовет сходить. Только Касымовичу ведь всё равно. А ведь мог бы и приструнить эту гадину, лишит материнства, в конце-то концов.

– А как же детки-то, тётя Нюр? – женщина жалостливо посмотрела в окно, словно за ним стояли дети Киямихи. – Они ни в чём не виноваты же. Растут без отца, как трава придорожная. Был бы папашка их живой, не допустил бы такого безобразия. Помнишь, при Юрке Киямиха какая порядочная была? В доме чистота и порядок, дети умытые и причёсанные, бельё на верёвке сушится. А сейчас? Эх, жизнь бабская...

– Юрка-то строгий был. Как что не по нему – в глаз сразу. Вот она от страха и ходила по струнке. А как похоронила его, так истинное лицо и показала. Одним словом, гулящая. Вся в мать свою пошла.

– Ну, чего ты про бабу Машу так? – Раиса всплеснула руками. – Ей сто лет в обед стукнет. А ты про неё так говоришь.

– Ой-ой-ой! Сто лет! Прикидывается ваша баба Маша. Она чуток постарше меня только. А старая совсем и дряхлая, потому что жизнь прожила непутёвую и разгульную. Ты думаешь, такая жизнь бабу украшает? Нет! А она гуляла так, что дым коромыслом стоял. Детей рожала чуть ли не каждый год неизвестно от кого. Потому они у неё чёрненькие и рыженькие – все разные.

– Да ладно тебе, тётя Нюра, наговариваешь всё...

– Я наговариваю? Ты у старух спроси в посёлке. Тебе такое про Машку расскажут, что только держись! Она же приехала с тремя детьми во время войны к нам и сразу у Лидки Черновой мужика отбила. Жила у них на квартире и дожила. Лидка их застала за этим делом прямо в своей спальне и выгнала со скандалом.

– Так мужики же все тогда на войне были, – женщина недоверчиво покачала головой.

– У него бронь была. Рыбаком Анатолий был на Арале. Плавал по Амударье в море. Их на войну не брали. Деда же моего тоже не взяли. Тогда он...

– И что потом? – Раиса перебила старуху, жадно ловя каждое слово.

– А чего потом? Стали они жить вместе. Машка ему ещё нарожала кучу детей. С Лидкой у них деток не было ещё. А потом он заболел сильно, вот она и пошла по рукам. Нагуляла тогда и Ирку.

– Надо же... А чего ты мне не рассказывала раньше ничего? Интересно-то как, оказывается.

– Чего рассказывать-то? Грязь одна. Просто к слову сейчас пришлось, а так я не люблю сплетничать-то. Да и деду не нравится, когда я языком треплю слишком много, вот и помалкиваю.

– А чего Ирку все Киямихой зовут? У Юрки фамилия вроде бы другая была.

– А по папаше её. Был у нас такой в поселке хлыщ золотозубый. В «Заготскоте»³ работал управляющим. Киямов. Вот когда Машка Ирку от него и родила, соседи стали называть девочку киямовской байстручкой. А потом и пошло – Киямиха. Бог его знает, кто первый так назвал. Но вот Киямова тогда...

Старуха прервала рассказ на полуслове, увидев в окно входящего во двор Ромку, сына хозяйки.

³ «Заготскот» – советское учреждение, работало до 40-х годов XX века в СССР. Отобранный у колхозов и личных хозяйств рогатый скот откармливали и доставляли на мясокомбинат работники «Заготскота».

– Ладно, Раиса, пошла я до хаты. Петьку уже не дождусь сегодня, видно. Придётся перед стариком ответ держать. И попадет мне...

– Ага, тётя Нюра, ты варенье возьми для Ерофеича. Чай попьете вечерком вместе.

– Спасибо Христос! Дай бог тебе здоровья! Ну, пошла я, а ты вон, парня корми после работы. Умаялся, наверное. Ромочка, добрый вечер! Жив-здоров?

– Здорово, баба Нюра! Спасибо Христос, жив, как видишь, и здоров.

– И слава богу! Пошла я.

Проходя мимо топчана, на котором, раскинув руки, как распятый на кресте Христос, спал муж Раисы, старуха перекрестилась и плюнула со злобой, проворчав: «И как земля носит таких иродов?!» Но хозяйка дома и её сын не услышали последней фразы, занятые своими делами. Раиса всунула кипятильник в ведро с водой, чтобы Роман мог помыться в бане по-быстрому, не разжигая печи, и принялась накрывать на стол. Сын же, намазав варенье на ломоть хлеба, с удовольствием ел, сидя на деревянном табурете.

– Ты бы, сыночка, аппетит не перебивал кусками-то. Я вот борща наварила специально для тебя. Сейчас сальца нажарю и в борщ, пока ты пыль с себя обмоешь.

– Мам, я только немного перекушу, живот сводит от голода. Я и не обедал сегодня. Дядя Гриша асфальт привёз горячий и хана – ни обеда, ни отдыха. Да ещё орал на нас благим матом, чтобы быстрее работали, а то ведь остынет асфальт и, считай, пропало всё.

– Дядя Гриша твой как рабовладелец прямо. Где же такое писано, чтобы дети без обеда пахали? – рассердилась мать. – Вот встречу его и всё выскажу в глаза.

– Да ладно тебе, мам! Работа же. И взрослый я уже. Нечего за меня заступаться, потом ребята засмеют, если узнают.

– Иди, горе мое луковое, взрослое, мыться в баню. Вода уже согрелась поди.

Под материно ворчание Роман пошел в баню, неся в сильной руке ведро с кипятком, словно пушинку. Загорелые мышцы, выступающие из-под рукавов рубашки буграми, и прямая широкая спина говорили о недюжинной силе парня. Несмотря на свои неполные восемнадцать, Роман выглядел уже настоящим мужчиной. Раиса, стоя на пороге дома, залюбовалась сыном, приставив руку козырьком к глазам, чтобы заходящее солнце не так сильно слепило. Довольная материнская улыбка блуждала по её загорелому красивому лицу. Проводив ласковым взглядом Романа до двери бани, женщина посмотрела на топчан, и тут же изменилась в лице. Тонкие черты ещё больше заострились, глаза уже не сияли теплым светом, а метали молнии, руки, сложенные на груди, опустились вниз, а ладони непроизвольно сжались в кулаки. «Ирод окаянный! Чтоб тебе пусто было! И когда ты уже перестанешь мне нервы мотать? Алкаш недобитый. Уж прибил бы кто тебя в тёмном переулке, и плакать бы не стала. Всю жизнь мне испоганил, гад! Убить тебя мало! Если бы я бога не боялась, своими руками бы тебя, ирод, придушила, – шипела Раиса, переворачивая тело мужа на бок, чтобы тот ненароком не поперхнулся во сне своей же блевотиной. – Господи Иисусе, прости мне мои мысли! Ну, нет сил больше терпеть этого алкаша! Опять, сволочь такая, с утра упился. И на работу не пошёл. Пацан и за себя и за него вон пахал весь день как проклятый. И за что мне такое наказание? Что я сделала? Господи, прости меня!» Убедившись, что муж дышит ровно, женщина поправила сбившуюся, мокрую от пота, подушку и, продолжая ругаться вполголоса, ушла в дом накрывать на стол.

Сразу после ужина Роман начал собираться на улицу. Надел новенькие джинсы, а затем принялся гладить голубую рубашку, вытащив её из кучи свежевystиранного белья, сваленного матерью для глажки на сундуке. Делал он это умеючи. Поплевал на утюг, чтобы проверить, достаточно ли тот накалился и, разложив рубашку на столе, начал гладить, время от времени брызгая на неё водой, которую набирал в рот тут же из красной эмалированной кружки. Любовавшись на свою работу и оставшись ею доволен, парень надел рубашку и, не застегивая пуговицы на широкой груди, встал перед зеркалом посмотреть, как рубашка смотрится с брю-

ками. Старое зеркало, вправленное в дверцу допотопного шифоньера, не доставало до полу, поэтому Роман пару раз даже подпрыгнул, чтобы увидеть себя в полный рост. Отойти назад, чтобы целиком отразиться в мутном стекле, не позволял огромный сундук, на который всякий раз наткался парень, входя в родительскую спальню.

– Блин, мама, убрали бы вы этот сундук в коридор что ли! У вас тут не развернуться нормально в комнате. Теснота страшная.

– А нечего у меня в спальне перед зеркалом вертеться словно девица на выданье, – с улыбкой ответила Раиса, входя в комнату.

– Да не верчусь я, просто проверяю, как штаны новые сидят, – засмутился парень, застегивая пуговицы на рубашке.

– Я и вижу. Вон как нагладили-нафразерили. Куда собрался? Дискотека что ли у вас опять?

– Нафиг мне дискотека? Я в кино с пацанами иду. На дискотеке одни девчонки скачут как кобылы.

– Ой, а вы, значит, сами по себе с ребятами, без девочек?

– Ну, да. Мам, ну что ты заладила: «Девочки, девочки»? Нужны они мне больно! Одни тряпки на уме у твоих девочек. Всё, я пошёл. Пока.

Раиса проводила взглядом сына и недоверчиво покачала головой, думая: «Уж тётя Нюра врать не станет. Раз говорит, что Ромка обжимался с кем-то на лавочке, значит, так и есть. Только вот с кем? Вот бы узнать. Ладно, приберусь в хате и выйду на улицу посидеть. Авось тётя Нюра с Ерофеичем тоже выйдут после ужина, вот и спрошу имя девчонки, с кем Ромка мой был вчера». Она и сама не знала, зачем ей знать с кем сын проводит время летними вечерами, но материнское чутье подсказывало, что это очень важно. Даже важнее того, чтобы караулить пьяного Лёньку, который мог в любой момент проснуться и сбежать к Киямихе опохмеляться.

Когда Раиса закончила мыть посуду и вышла на улицу, старики уже оживлённо о чём-то беседовали. При этом баба Вася время от времени сердито стучала своей кривой палкой о землю, приговаривая: «Сжечь нужно это логово дьявола! Сжечь и пепел развеять над Амурьей, чтобы другим молодкам было неповадно». Тётя Нюра, стоя рядом с лавочкой, на которой сидела, кроме огромной бабы Васи, ещё и шуплая баба Валя, поддакивала, кивая головой. Ерофеич хранил молчание, стоя немного в сторонке и сложив руки на груди. Он как бы подчёркивал всем своим видом, что его бабские разговоры не интересуют. Раиса поздоровалась со всеми и, удобно усевшись на большой камень рядом с лавкой, достала из кармана фартука пригоршню жареных семечек, которые тут же и высыпала в передник. Для вида предложила старушкам, но те дружно отказались, показав на щербатые рты, мол, чем лузгать семечки-то. Только Ерофеич взял немного прямо из фартука и стал аппетитно грызть, сплевывая шелуху себе под ноги. Старухи с завистью посмотрели на него.

– А чего не идёте зубы вставлять? А? Боитесь, кошёлки старые, дохторов-то? А? Вставили бы челюсти как у меня и грызли семечки-то. А? Слабо вам. Вот Нюрке сколько уже говорю – иди в полихлинику, там тебе вставят челюсти, а она трусит. Все откладывает на завтра. Каждый день – завтра. Вот сидите и завидуйте нам с Раисой теперича.

Все засмеялись. Бабки, нисколько не обидевшись на Ерофеича, продолжили честить Киямиху.

– Хватит вам ужо, сороки старые! Ишь расшумелись как! Чай завидки берут, что на вас никто не смотрит? А? – Старику доставляло удовольствие злить соседок, но они, сделав вид, что не слышат его, говорили о своём.

– Раиса, твой-то орёл где? Небось, тоже у молодки гуляет да собачью свадьбу справляет? – Ерофеич подмигнул женщине, давая понять, что шутит.

– Леонид хоть и пьющий, а всё заработанное в дом несёт. Налево, как некоторые, не бегает, – вступилась за племянника баба Валя. – Это ваш Петька до последней копейки

просаживает у Киямихи, как будто у него матери с отцом нет. Наш Леонид выпивает, как и все, но меру всегда знает. И жена, и сын сыты-обуты, слава богу, – рассержено поправив концы тонкого ситцевого платка, старушка с вызовом посмотрела на Ерофеича, мол, знай наших. Тот не остался в долгу и выдал целую тираду:

– Ишь ты, защитница выискалась какая! Племянничка выгораживает своего. Теперича все поселковские мужики от Киямихи не вылазят. И Лёнька ваш там же кукует, ждёт, авось обломится и ему кусочек от новой девки-то московской. Они там, небось, в очередь выстроились уже, как в кассу вокзальную.

Раиса разозлилась на соседа, но виду не подала. Только обронила лениво, показывая, что ей безразлична как Киямиха, так и её гости:

– Какие девки, Ерофеич? Лёнька мой без задних ног спит с утра. Вчера они с вашим Петькой надрались так, что утром ему хватило стакан пустой понюхать, чтобы снова уснуть. Вон, закрыла его во дворе. Зато ваш Петюня с утра у них гуляет. Вы бы за ним лучше приглядывали, а то приведёт вам невестку в дом, на которой уже пробу ставить негде. Или заразу какую подцепит. Лечить устанете в кожвендиспансере⁴.

Бабки на скамейке захихикали, прикрывая ладошками беззубые рты.

– Ничего, проснётся и поскачет туда и твой, – злорадно выплюнул старик, сверкая глазами. – Нюрка, иди в хату, нечего тут трепать языком как помелом.

Тётя Нюра испуганно засеменила за мужем, оглядываясь на соседок с укоризной. Раиса уже пожалела, что разозлила старика. Но и смолчать тоже не могла, обидевшись за своего непутёвого, но мужа.

– Вот так всегда, – баба Вася с силой ударила своей кривой палкой о землю. – Всегда у этого старого дурня Нюрка крайняя. Пойду я. Дурень разбуянится, а у Нюры же сердце больное. Неровен час, снова «Скорую» вызывать придётся.

Старуха тяжело поднялась с лавки, поправила чёрный платок на голове и, опираясь на палку, заковыляла к дому брата. Баба Валя осталась сидеть с поджатыми губами и сложенными крест накрест руками, всем видом демонстрируя осуждение. Как только баба Вася скрылась за калиткой, старушка проворно повернулась к Раисе и зашептала:

– Ишь ты, как разошёлся-то. Правильный нашёлся тут. Леонида нашего поносить стал, будто сам ангел небесный. Я помню, какой он по бабам ходок был. Всё помню. И как Нюрку лупил, и Ваське замуж выйти не дал. Тот ему сестрицын жених не нравится, этот не богат. Так Васька в старых девах и помрёт теперь. И Петьке жизнь тоже этот старый ишак сломал. В армию не пустил, всё хотел, чтобы Петька учился и большим начальником стал. А вот ему – шиш! Самый непутёвый Петька стал в посёлке. И всё через этого дурня старого. Так ему и надо!

– Бог с ним. Успокойся, баба Валя!

– Так я и спокойная. Только Лёню нашего в обиду не дам. И ты молодец! Какой бы муж не был, зато твой. Защищай! Правильно! Вот!

Старушка снова поджала губы и села прямо. Раиса улыбнулась. Каждый летний вечер они собираются на углу дома Ерофеича и почти каждый раз расходятся поссорившись. И ведь все родственники. Баба Вася – старшая сестра старика, баба Валя же им двоюродная сестра. Значит и Пётр с Леонидом братья. И она, Раиса, им снохой приходится. Потому, наверное, и гавкаются, как собаки, что родня. Хорошо ещё Лёньки нет с ними, а то вообще бы базар-вокзал был. Тому палец в рот не клади. Сам кого хочешь так подначит, что мало не покажется.

– Ох, а ведь я Ерофеича спросить хотела, с кем мой Ромка вчера вечером здесь сидел, – вспомнила Раиса.

– С новенькой этой, с Москвичкой был он вчера здесь, – баба Валя даже не повернула голову в сторону снохи.

⁴ Кожвендиспансер – сокращенное название Клинического кожно-венерологического диспансера.

– Как с Москвичкой? Да ты путаешь что-то, баба Валя! Не мог он с ней быть, – Раиса растерялась. – И откуда ты знаешь?

– Ерофеич сам сказал. Я утром по воду пошла к колонке, а он там жалится всем, мол, ночь спать Ромка не давал, на их лавке шумел с приезжей.

– Да не может быть! – матери не хотелось верить, что её мальчик гуляет с неизвестно откуда взявшейся девицей, вот уже неделю жившей у Киямихи.

– Хочешь – верь, хочешь – нет. Только я врать не стану. Старая я, чтобы сплетни распускать, – баба Валя сердито глянула на растерявшуюся женщину. – И чего ты распустила нюни? Погуляет и всё. Не жениться же ему на этой..., – она вдруг запнулась. – Господи, прости меня грешную!

И перекрестилась. Раиса же сидела на начавшем остывать уже камне, не зная, как поступить. Хотелось броситься к дому Киямихи и разнести его на щепки, чтобы не затаскивали в свой притон мальцов. Но в тоже время она была не уверена, что Роман там. А выглядеть смешно в глазах этих девок не хотелось. Ну и ворвётся она с боем к ним. Дальше-то что? Морды им бить что ли? Баба Валя, словно читая её мысли, остерегла:

– Ты глупостей не делай, Раиса! Порядочная женщина на сто вёрст к дому Киямихи не подойдёт. Нечего и думать. С сыном поговори сегодня же. Я Лёне завтра на трезвую голову тоже скажу, какой они с Петром пример показывают парню.

Раиса посмотрела на старушку с уважением. Что не говори, а учительница, хотя и на пенсии, всё равно учительница. Без слов понимает и совет дельный даст вовремя.

Солнце давно село. Женщины посидели ещё немного и тоже разошлись по домам, чтобы завтра снова встретиться здесь же и промыть косточки соседям. Так повторялось изо дня в день вот уже много лет. Раньше на лавке коротала летние вечера мать Леонида, свекровь Раисы, но уже пять лет как она умерла, и её пост незаметно заняла сноха, перейдя из разряда молодых в пожилые. Несмотря на разницу в возрасте, старики приняли её в свой круг радушно, уважительно называя полным именем. Не Райкой, как звал непутёвый муж-пьяница Лёнька, а именно вот так – Раиса.

Раиса не могла заснуть, прислушиваясь к каждому звуку за забором. Специально постелила себе на железной кровати во дворе, чтобы подкараулить Ромку и поговорить с ним. Муж ещё спал. Однако она знала, что скоро тот проснётся и попросит опохмелиться, чтобы снова забыться тяжёлым сном уже до самого утра. Специально поставила в холодильник на видное место остатки водки в бутылке и немного мяса с луком на случай, если она заснёт, а муж будет искать выпивку. И понимала, что оказывает медвежью услугу ушедшему в запой Леониду, но ничего поделать не могла. Лучше уж так перетерпеть его запой, накачивая водкой с утра, чем искать его потом по всему посёлку, когда он пойдёт на улицу клянчить у всех подряд на сто грамм. В тяжёлых думах, женщина и не заметила, как заснула под брехню соседских собак, стрекотню сверчков и громкий храп мужа.

Глава 2

Алла Пугачёва надрывалась из динамика проигрывателя, смеясь над бедным Арлекино, а Ирка хохотала над Петькой, пытавшимся танцевать под популярную песню. Смешно размахивая руками и изображая плачущего мима, пьяный мужчина не удержался на ногах и рухнул на кресло, в котором сидела молоденькая девушка. Она равнодушно оттолкнула его, даже не изменившись в лице. Петька, нисколько не смутившись, встал и продолжил свой танец, пока песня не закончилась.

«Серёжка, поменяй пластинку! – крикнула Ирка куда-то в темноту дома. – Поставь Антонова, ну, ту песню про улицу Тенистую. Люблю до смерти эту его песню, – продолжила, уже обращаясь к остальным, сидящим в тени навеса. – На улице Каштановой...» – запела женщина прокуренным голосом. Никто не обратил на неё внимания – каждый был занят своим. Петька уселся прямо на пол около кресла и попытался положить голову на колени невозмутимой девушки, однако она столкнула его голову одной рукой, даже не взглянув на самого Петьку, словно отогнала надоедливую муху. Поняв, что не удастся подобраться поближе, мужчина просто прислонился к ручке кресла головой и осторожно погладил ногу девушки, готовый в любой момент отдернуть свою смелую от водки руку. Сашок, верзила с длинными рыжими волосами, сидел за деревянным столом в одиночестве, тупо уставившись в облупленную стену дома. Его остекленевшие, ничего не выражавшие глаза могли бы показаться страшными, если бы кто-то трезвый посмотрел в них сейчас. Однако никому до него не было дела. Вдруг он поднял длинную веснушчатую руку с выставленным указательным пальцем вверх и произнес: «In vino veritas!»⁵ И вновь замолчал. Клава, сестрёнка Ирки, молодая, густо накрашенная брюнетка с «шестимесячной» завивкой на коротких волосах, ела копченую рыбу, складывая кости на газету, расстеленную на коленях. На полу стояла трехлитровая банка наполовину полная мутным пивом. Время от времени она отпивала из неё, морщась и кривясь, словно от лимонного сока.

– Пиво же теплое, наверное. Как ты его пьешь? – заметил Рифат, чернявый парень с многочисленными наколками на руках, развалившийся на грубо сколоченной некрашеной лавке в обнимку с худощей Мариной, подругой Клавы.

– Да, блин, гадость! – с чувством сказала Клава, ставя на пол банку. – Сходил бы кто за свежим пивасиком, а? Серёжка, а ну, сбегай!

– Ты моего сына не гоняй как собачонку туда-сюда! – Ирка, пьяно подпевавшая всё это время Антонову, злобно глянула на сестрёнку. – Вот своих нарожай и командуй! Ишь ты! Командирша выискалась какая деловая!

– Ой, да заткнись ты, пьяная дура, – беззлобно огрызнулась Клава. – Серёж, ну, ты пойдешь за пивом? – Из комнаты раздалось капризное детское «Не хочется!».

– А я тебе говорю – не командуй в моём доме! Ща как встану и дам тебе между глаз.

Ирка попыталась встать с табурета, на котором сидела, но у неё не получалось даже оторваться от сиденья. Сил хватило только на то, чтобы неуверенно махнуть кулаком в сторону сестры.

– Ирина, может тебе нужно отдохнуть? – вдруг спросила молчавшая доселе девушка в кресле. – Пойдем в дом, я тебе помогу.

И встала, протянув руку женщине. Ирка удивлённо посмотрела на неё, словно впервые увидела эту красивую с длинными каштановыми волосами девушку в своей халупе, и кивнула.

⁵ «In vino veritas» – первая часть латинского выражения «In vino veritas, in aqua sanitas» – «Истина – в вине, здоровье – в воде».

Вставая, кинула злобный взгляд на Клаву, грязно выматерилась и, шатаясь, побрела в тёмную комнату, придерживаемая тонкой грациозной девушкой.

– Нажрётся как свинья и качает права, – кинула Клава, провожая презрительным взглядом старшую сестру. – Ну и жара сегодня! И пивасика нет холодного. Исккупаться бы в Дарье сейчас, – мечтательно добавила она, потягиваясь. Короткая красная блузка поднялась вверх и оголила белый живот Клавы. Петька не мог оторвать взгляда от тела женщины, затем тряхнул головой, как бы отгоняя наваждение, и воскликнул с энтузиазмом:

– А чего, народ? Айда на Дарью!

– Рано ещё, жара не спала. Кому охота тащиться по пёклу к реке? Нас сейчас развезет так, что будем ползти к Дарье на корячках, – лениво произнес Рифат, смешно кривя рот, чтобы все видели его золотую фикса.

И сплюнул прямо на пол.

– Риф, ну, что ты как верблюд плюёшься? – недовольно воскликнула Марина, стряхивая его руку с острого плечика. – Серёжа, пожалуйста, принеси мне немного воды из холодильника. В горле пересохло от этой жары. Сахара прямо какая-то.

– Вот за что я тебя, Мариночка, люблю, так за твои мозги. У меня никогда ещё не было тёлки, которая бы так во всем кумекала хорошо, как ты. И книг ни одна из тех бл..., ой, пардон, дамы, баб не читала.

Рифат уважительно глядел на Марину, которая зарделась от комплимента ухажера.

– Да ладно тебе, Риф, заливать! – смущенно сказала девушка, всем видом показывая, что устала от его обожания и комплиментов, даже театрально закатила глаза, явно копируя ужимку из какого-нибудь фильма.

– Нет, ты послушай меня, милая! Вот я в школе провел восемь лет, из них пять лет в классе и три в коридоре...

– В коридоре. «Коридор» нужно говорить, через букву «р», а не «л», – снова поправила его подруга.

– Ну, я же говорю, что не голова у тебя, а дом Советов! А я вот учился, учился и всё равно дураком остался. На зоне паханы мне книги втюхивали, только я как читать начну, так у меня голова раскалывается, и температура поднимается. Вот как, – парень загоготал сказанной шутке.

– Не «темпратура», а «температура», балда, – снова подала голос Марина, явно довольная, что может показать свои знания.

– Учи меня, учи, Мариночка! – радостно обнял Рифат девушку. – А я тебя другим наукам учить буду, – и снова заржал, довольный сказанным и подмигивая Петьке. При этом он не забывал открывать рот и вертеться в разные стороны так, чтобы фикса была видна всем.

Девушка глупо улыбалась, поблескивая толстыми линзами очков, из-под которых на окружающих смотрели наивные голубые глаза влюблённой до одурения молодой женщины. Она только-только закончила педагогическое училище в городе и отдыхала перед началом школьного года у тётки в посёлке. На дискотеке, куда ходила субботними вечерами с Клавой, соседкой по бараку, познакомилась с Рифатом, этим забавным парнем-татаринком, прошедшим огонь и воду в свои двадцать с лишним лет. И сразу же влюбилась. Бездумно, без оглядки. Тётка не знала, как отвести опасного ухажёра от племянницы, уже и домой девчонку отправляла, только ничего не помогало, и она снова возвращалась в посёлок, словно заговорённая. Боясь криков тётки, влюбленные стали встречаться у Киямихи, куда их как-то вечером пригласила Клава на свой день рождения. С той вечеринки парочка часто бывала у Ирки, которая радушно принимала их и даже позволяла воспользоваться своей спальней время от времени, особенно если Рифат приносил в бумажном пакете водку и закуску для всей компании. Тогда женщина с собутыльниками «гуляла», оставляя молодых в покое в тёмном доме. Марина смущалась и краснела, когда под сальные шуточки постоянных «гостей дома» ныряла с любимым в прохладную темень домика, но тут же забывала обо всем, подставляя лицо и шею для поце-

луев, которые с каждым мигом становились всё требовательнее и жарче. В такие минуты она не думала ни о тёткином гневе, ни о предстоящей поездке в августе в соседний городишко, куда она получила распределение на работу, ни о призрачном будущем с Рифом. Казалось, что так будет продолжаться бесконечно – ночные гулянья по рыбацкому посёлку, дискотеки, кино в летнем кинотеатре под звездами, сидения на лавочках и пьянящие поцелуи парня. При мысли о последнем её всегда бросало в жар, хотелось увидеть его сию же минуту, и тогда она неслась к Киямихе в надежде встретить там свою чернобровую и черноглазую любовь, под взглядом которого Марина таяла и теряла разум. Рифат часто заглядывал к Ирке на огонек, чтобы просто поболтать ни о чем с ней или её гостями, а иногда и пропустить пару стаканчиков в весёлой компании. Обычно после посиделок он шёл в кино или просто болтался с ребятами по посёлку, однако иногда оставался допоздна, играя в карты с залётными фраерами «на интерес».

Девушка с длинными русыми волосами вышла из дома, неся стеклянную банку с холодной водой для Марины.

– Спасибо большое, Настя! – Марина с удовольствием прильнула к прохладному краю банки.

– Не за что. Так что, идём мы купаться сегодня или так и будем сидеть и плавиться? – Настя приподняла волосы сзади и потрясла ими, чтобы хотя бы немного подсушить вспотевшую лебединую шею. Петька тут же вскочил с пола и, схватив кусок картона, начал обмахивать девушку.

– Кайф. Спасибо, Пётр! Так идём или нет? – Настя повернулась к мужчине спиной, подставляя шею и спину под импровизированное опахало.

– Сейчас, Сашка разбудим и вперёд, – Петька был готов бежать на берег реки прямо сейчас, лишь бы быть рядом с красавицей Настей.

– Саша, Сашенька, ты меня слышишь? Пойдем купаться, – нараспев произнесла она, подойдя к столу. – Ау, просыпайся.

– Кто сказал, что я сплю? Я размышляю. Я думаю.

Парень встал во весь рост, задевая головой крышу невысокого навеса.

– Куда идти, Настя? С тобой я пойду на край света.

Парень весь подобрался и из ословелого пьяного превратился в деятельного трезвого человека.

– Мне туда не нужно ещё, – улыбнулась девушка. – Купаться пойдем? Ты в порядке?

– Уже иду, – Сашок уверенно двинулся к калитке. – Я в полном порядке. Вперед, труба зовет!

Было видно, что он ещё пьян, но уже не настолько, чтобы не соображать, где он и что делает. Осмысленный взгляд, брошенный на компанию под навесом, говорил, что Сашок приходит в нормальное состояние.

– погоди, дурачок, я полотенце прихвачу, – Настя, словно не замечая старавшегося для неё Петьку, который всё ещё размахивал картонкой за её спиной, вошла в дом.

– Я тоже пойду домой надеть купальник, – Марина встала и вопросительно взглянула на Рифата.

– Не, я тут подожду. Твоя тётка сейчас опять разорётся на всю улицу. От её мата у меня уши вянут.

– Ой, твои уши, небось, и не такое слышали, – засмеялась Клава.

– Честное слово, даже на зоне так не ругаются как Маринкина тётка. Такое загнёт, что я фигею просто. И откуда, спрашивается, знает столько блатных словечек? Кто её научил? – Рифат развел руки в стороны всем видом показывая, что удивлён до крайности. – Так что иди одна, мы здесь будем ждать, если что, то догонишь по дороге.

Марина пожала плечами и ушла, неумело виляя узкими бёдрами.

– И чего ты в ней нашёл, в селёдке этой? – ревниво спросила Клава парня, когда калитка за девушкой захлопнулась.

– Сама ты селёдка. Чего ты понимаешь? – Рифат обиделся. – Любят, Клава, не за титьки и попу.

– Ой, кто бы говорил! Вам, мужикам, только одного и надо!

Сашок, вернувшийся под навес, выставил вперед ладони в знак протеста, не соглашаясь с девушкой.

– Ты, Клавка, не права. Мужики любят добрых баб, а не красивых гадюк. Вот ты, Клава, красивая, но змея. Я с тобой бы ни за что...

– Да нужен ты мне, жердь! Мне вы вообще не нужны. Скоты вы все, мужики. Я уж на вас посмотрелась в Москве до тошноты. Вам от нас только одно и нужно. А как получите, так и поминай как звали.

– Клавка, а скольких ты в Москве-то через себя пропустила? – Петька масляно улыбался, глядя на злившуюся соседку.

– Да пошёл ты, идиот!

– Да чего ты, расскажи, мы же по свойски интересуемся, – мужчина явно подначивал девушку, ожидая представления.

– Заткнись, Петька, пока я тебя не урыла, – Клава схватила банку с остатками пива и сделала движение, вроде как хотела бросить её в противного мужичка.

– Ребята, да вы что? – Настя проворно выхватила банку из рук девушки. – А вы чего стоите и смотрите? Сейчас же подерутся они, – обратилась она к Сашку и Рифату.

– Петьке не привыкать по башке получать от баб, – осклабился Рифат. – У него вместо головы чугунный казанок. Не лезь, Настя, дай кино бесплатное посмотреть.

– Не доводите Клаву. Ей и так столько в Москве перетерпеть пришлось...

– Настя, не говори ты им ничего. Эти уроды разве что понимают? – тушь текла по щекам плачущей Клавы. – Им хиханьки да хаханьки, а мне ножом по сердцу каждое воспоминание об этой проклятой Москве.

– Сама же, дура, начала, – Рифат всё еще улыбался. – Кто тебя просил рассказывать о своих приключениях? И никто тебя не гнал в Москву эту. Я же помню, как ты бегала по посёлку в прошлом году и орала, что будешь в столице учиться на ткачиху и насрать на всех нас хотела с высокой горки.

– Если бы я знала тогда...

– Если бы, да кабы. Ладно, проехали, девчонки, – подал голос Сашок. – Готовы? Пошли тогда. Серёга, вперед!

Он взял за руку неизвестно откуда взявшегося Серёжку, который, перекинув через плечо чёрную накачанную камеру от колеса легковушки, стоял у калитки в ожидании взрослых.

– Вы идите, я догоню. Двери закрою, а то Ирка спит и всё нараспашку. Заходи кто хочет, – Клава вытирала тыльной стороной ладони пьяные слёзы.

Солнце почти зашло, и жара понемногу спадала. Проехавшая по пыльным дорогам посёлка поливалка немного остудила раскалившийся асфальт, который теперь отдавал накопившееся за день тепло прохожим. Настя гордо шла впереди компании с полотенцем, перекинутым через руку, словно королева со шлейфом от платья; трое мужчин и мальчишка шли поодаль, оживлённо о чём-то беседуя.

Яркий сарафан облегал ладную фигурку Москвички, обнажая покатые плечи, успевшие немного обгореть под горячим азиатским солнцем. Волосы спадали вниз густой волной, закрывая не только спину, но и часть ног. Пластмассовые желтые шлепки, украшенные подсолнухами, гулко стучали по асфальту, привлекая внимание немногочисленных прохожих. Люди с любопытством разглядывали красавицу, однако, заметив остальных, осуждающе качали голо-

вами. Ни Сашок, ни Петька, ни Рифат не пользовались большим уважением среди односельчан, прославившись как бездельники, лоботрясы и драчуны. Рифат же, отсидев в колонии для малолеток почти два года, считался вообще отъявленным бандитом. И, хотя все трое официально где-то работали, а вернее, числились, часто их можно было увидеть среди бела дня болтающимися без дела. Весть о Москвичке, швыряющей деньгами и живущей у непутёвой Киямихи, уже облетела посёлок, поэтому, увидев её в окружении местных хулиганов, жители смотрели неодобрительно.

По дороге компания зашла в поселковый магазин и купила пять бутылок белого столового вина, столько же минеральной воды, блок болгарских сигарет «Родопи», штук десять плавленых сырков «Дружба», литровую банку соленых помидоров, две буханки белого хлеба и плитку шоколада «Дорожный». За всё расплатилась Настя, достав свёрнутые в трубочку купюры из кармана своего цветастого сарафана. Шоколадку она тут же отдала довольному Серёжке, который, торопливо развернув фольгу, с радостью вгрызся в жёсткую плитку острыми зубами хорька. По пути компанию нагнала запыхавшаяся Марина. В руках она несла вязаную из белых капроновых ниток авоську, наполненную огурцами.

– Ты откуда столько огурчиков надыбала? – присвистнул Рифат, забирая авоську из рук подруги.

– У тётки... в огороде..., конечно, – Марина запыхалась от быстрой ходьбы, поэтому говорила с интервалами.

– Настучит она тебе по кумполу за огурцы, – заметила парень. – А соль прихватила?

– И соль, и хлеб, и чеснок. Даже стаканы взяла, а то в прошлый раз пришлось пить из горлышка. А вы что купили? – любопытствовала Марина.

– Во! – Петька приоткрыл чёрную кирзовую сумку, в которой нёс бутылки и закуску.

– Класс! Устроим пикник! – девушка аж зажмурилась от удовольствия в предвкушении приятных посиделок у прохладной воды в тени прибрежных тугаев.

– Кого устроим? – не понял её радости Рифат и подозрительно посмотрел на любовницу. – Я тебе устрою! Смотри у меня, коза!

– Ой, ну ты вообще, Риф! Пикник, значит что-то вроде гулянки на природе. – Марина засмеялась, взяв под руку сердитого ухажера.

– Ну, так бы и сказала, что на природе жратуха будет. А то... Я же тебе говорил, у меня пять классов и три ко..., как это правильно, коридора. Остальные классы на зоне. Мы народ простой, ваших учёных слов не знаем, – и пихнул локтем Сашка, идущего рядом, ища у него поддержки.

– Не знаю, Риф, я там не был. Пока ты на зоне учился, я в армии служил в Сибири, – Сашок протрезвел и шёл за Настей, внимательно глядя под свои длинные ноги. – И вообще, башка трещит у меня чего-то... Похмелье что ли?

– Ща, придём на Дарью и первым делом тяпнем по сто грамм, – вклинился Петька. – Жалко только, что водяры не взяли. Вино – что? Вино – вода. Для женщин напиток. Водки бы надо было купить.

– Надо было купить. Кто тебе мешал? – спросила Настя, не оглядываясь.

– Так это... Деньги-то кончились у меня, – Петька поднял сумку и поставил на плечо, чтобы удобнее было нести. – А так мне не жалко.

Все замолчали. Денег не было ни у кого, кроме как у приезжей москвички, которая вчера продала армянину-ювелиру, что сидел в будке на городском базаре, свои серьги с жемчугом за целых двести рублей. Армянин долго торговался, но, в конце концов, отсчитал две сотни красными десятками и попытался пригласить Настю в ресторан, накрыв волосатой рукой её руку с пучком десятков. Девушка аккуратно сняла его руку со своей и, глядя ему прямо в глаза, стальным голосом отчеканила: «Нет, дядя. В другой раз покувыркаемся, когда дашь хорошую цену за цацки. Ты и так наварился с меня хорошо, хватит с тебя на пока». Сашок, стоявший

рядом с ней, было напрягся, но Настя, взяв его под руку, увлекла к воротам базара, пряча деньги в лакированный красный кошелек. Тогда он ещё удивился, как она жёстко и со знанием дела отбрила ювелира, но потом забыл, увлечённый всеобщим весельем в доме Киямихи. Сейчас вдруг вспомнил и снова подивился. Прибавив шагу, чтобы идти наравне с девушкой, спросил:

– А где ты так мужиков умирять научилась, Настя?

– Ты о чём?

– Я о вчерашнем. Ты армянина-ювелира отсекла резко. Даже красиво.

– Жизнь, Сашенька, научила.

– Ни фиги себе! Жизнь? Да тебе и двадцати ещё нет. И потом, ты же из Москвы, вроде из приличной семьи...

– А откуда ты знаешь, из какой я семьи?

– Ну, это... Клава говорила и Ирка...

– А они обо мне откуда знают?

– Не знаю... Ты, наверное, рассказала.

– Я никому ничего не рассказывала о себе. Да, я из Москвы. А остальное не вашего ума дело, – девушка вскинула голову вверх, задрав округлый подбородок, и прибавила шагу.

Сашок растерялся. Он почесал затылок и прошел остаток пути молча, размышляя над словами Насти. Хотел было расспросить её ещё, но побоялся, что девушка рассердится и прогонит его от себя. Уходить из хорошей компании с дармовой выпивкой и закуской было бы глупо, поэтому он прикусил язык и решил оставить вопросы до удобного случая, когда Москвичка будет в хорошем настроении или под градусом. Правда, пила она совсем мало, что было странным в их компании. Даже Маринка, уж насколько образованная, но выпивала понемногу, не говоря уже об Ирке и Клавке, которые глушили «белую» наравне с мужиками, если не больше. Иногда Сашок даже удивлялся, куда в них столько лезет, в женщин-то. Вроде бы они должны быть слабее мужчин и пить меньше, однако всякий раз на его вопрос Ирка хохотала и, пуская сигаретный дым ему прямо в лицо, спрашивала: «А что, Сашок, завидно тебе, что я перепить могу любого в посёлке?»

Петька доставал бутылки из сумки и укладывал их в прохладную воду, чтобы остыли немного. Настя с Мариной, расстелив полотенце под кривым карагачом, раскладывали на нём закуску. Серёжка уже купался, играя со своей камерой и визжа от удовольствия. Мужчины закурили «Родопи», лежа на нагревшемся за жаркий день серебристом песочке. Казалось, что уже все протрезвели после дневного гулянья у Киямихи во дворе, один Петька продолжал болтать о всякой ерунде, словно алкоголь ещё не выветрился из него.

– Слышь, Настя, а Москва какая? Красивая, небось? Большая?

– Угу, – девушка аккуратно чистила перочинным ножом Рифата чеснок, отделяя зубчики от сиренево-белой головки.

– Народу, говорят, у вас полно. Сколько-то миллионов аж.

– Угу.

– И деньжищ у людей немерено, говорят. Все на «Волгах» разъезжают.

– Угу.

– И у тебя там машина есть?

– Есть. И машина, и квартира, и дача.

– Вона как! – присвистнул мужчина. – Богачка ты значит?

– Ага.

– Я и гляжу, сколько на тебе этих всяких колечек да цепочек навешано-то. На тысячу, не меньше выйдет.

– Больше.

– Чего больше? – растерялся Петька.

Риф с Сашком даже привстали от удивления, во все глаза глядя на Настю.

– Всё это, – девушка выставила руки с кольцами вперёд, – тянет на несколько тысяч. Я вчера этому барыге уступила серьги за две сотни только потому, что по жаре мотаться не хотелось больше. А так они стоят пятьсот рублей минимум.

Марина ахнула и прикрыла рот ладошкой.

– Енто откуда же такое богатство у тебя? – несмотря на удивление, Петька продолжал любопытствовать.

– От верблюда, – казалось, Настя потеряла интерес к разговору, вновь сосредоточившись на чесноке.

– Родители что ли богатые? – не унимался мужчина.

– Ага.

– Начальники что ли? Или в партии?

– Пётр, а ты знаешь, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали? – вопросом на вопрос ответила Настя.

– Нет, ну, ты скажи. Тебе жалко что ли? – Петька повернулся к остальным, ища поддержки. – Всем хочется о тебе побольше узнать.

– Зачем? Меньше знаешь, крепче спишь, Пётр. Тебе никто не говорил раньше такого?

– Ну, Настя, – взмолилась и Марина, сгорая от любопытства. – Ну, расскажи...

– Да нечего рассказывать. Дед с бабкой наследство мне оставили.

– А как ты к нам попала? – Сашок осмелел.

– Прилетела на самолёте.

– Зачем? – уже хором спросили сидящие вокруг девушки приятели.

– А просто так. Ткнула в карту пальцем наугад – в ваш город попала. Смотрю, есть билет прямой из Москвы. Вот и вся история. Всё? Ну, Пётр, где вино твоё холодненькое? Давай уже, доставай. Серёжа, иди есть!

Все оживились в предвкушении выпивки, однако каждый про себя подумал, что ответа на вопрос, для чего Москвичка прилетела к ним, так и не получили.

«Странная она какая-то», – думал Сашок, держа гранённый стакан в руке. Он снова украдкой глянул на девушку, сидящую рядом с ним на песке: «Кто же она такая? Почему скрытничает? Как оказалась у Киямихи, у этой пьющей и гуляющей бабёнки, к дому которой нормальные поселковые женщины даже близко не подходят? Вроде, Клава её привела к сестре на постой, а откуда Клава её знает, интересно? Может, они познакомились, когда она училась в текстильном училище где-то там под Москвой, или ещё где?» Настя нравилась ему, но было в ней что-то такое отстранённое, что отталкивало парня. Пока Сашок был пьян, она казалась ему сказочной принцессой, однако стоило протрезветь, как он видел девушку в другом свете. Красивая, и волосы шикарные, как у русалки, и глаза дивные, и фигура что надо. Даже рядом с ним, верзилой, не кажется коротышкой, а смотрится так, будто одного с ним роста, хотя еле-еле до плеча достаёт макушкой. И всё равно, есть в ней что-то такое, отчего мужчине становится не по себе. Загадка что ли какая-то? Или страшная тайна? В армии сосед по койке рассказывал ему про женщину из своей деревни, которая мужиков с ума сводила, а сама никого не любила. Стольких загубила, что бабы просто готовы были её убить, и не могли. Подойдут к её дому, чтобы поджечь и, вдруг, слабеют. Ноги у них подкашиваются сами по себе, ну, просто валятся на землю без сил. Дружок говорил, заговорённая баба та была. Ведьма. Несмотря на июльский тёплый вечер, тело Сашка покрылось мурашками. Он поёжился.

– Саня, давай посуду, долю чуток, – Петька разливал уже вторую бутылку вина.

Сашок встрепенулся, залпом выпил «Столовое белое», скривился и взял горбушку хлеба, чтобы занюхать эту дешёвую кислятину. Затем откусил пол огурца и неожиданно для самого себя задал Насте ещё один вопрос:

– Так ты, значит, вроде ведьмы?

Все удивлённо уставились на него: Петька застыл с бутылкой в руке, забыв долить в стакан новую порцию вина, которую только что обещал; Рифат перестал жевать и с интересом разглядывал приятеля, решив, что у того от жары и выпитого за последние три дня шарики за ролики зашли; Марина хлопала голубыми глазами без очков, переводя взгляд с Насти на Сашку; один Серёжка продолжал невозмутимо есть, откусывая большие куски плавленного сырка. Тишину прервала сама Настя. Повернувшись ко всем спиной и подставляя лицо последним лучам солнца, она со смехом ответила:

– Да, Сашенька, я ведьма. Ты фильм «Вий» смотрел? Так вот, и я так же летаю в гробу по ночам и парней пугаю или даже убиваю, если уж сильно понравится кто.

За импровизированным столом засмеялись, только Петька, поставив начатую бутылку на песок, отвернулся и быстро перекрестился.

– Какая же она ведьма, – вступился за девушку Рифат. – Она русалка. Смотри на волосы. Русалочка настоящая.

– Точно, – подхватила Марина. – Я всё думала, откуда я тебя знаю? В сказке видела. Помните, в передаче «В гостях у сказки» показывали фильм про Русалочку? Только у той волосы зелёные были, а у Насти русые. А так – копия!

Веселье продолжалось. Все попрыгали в воду, чтобы охладиться. Пришла Клава, о которой успели позабыть, и, наскоро искупавшись, ушла домой, уведя с собой упиравшегося Серёжку.

Стало смеркаться, и в какой-то миг неожиданно наступила ночь. Никто и не заметил, как стало темно, и яркая луна заняла место солнца. В наступившей тишине были слышны редкие всплески то ли рыбы, то ли волн в реке, откуда-то издалека доносилась брехня поселковых собак и ещё какие-то звуки, не дававшие забыть, что люди рядом. Лунная дорожка на воде завораживала, навеяв романтическое настроение. Марина встала у самой кромки воды с переливающейся на ней дорожкой и раскинула в сторону руки. Она любила весь мир в этот миг, но больше всех Рифата, о чём крикнула пьяненьким голоском. Парень не заставил себя ждать и ласково обнял девушку сзади за плечи. Так они простояли несколько мгновений, затем он увлек её подальше от воды в гущу зарослей турангила. Вмиг темнота поглотила парочку, только звуки ломающихся веток и смущенный смех Марины напоминали, что они неподалёку. Петька завистливо покосился в направлении, куда ушли Рифат с подругой, глотнул вина прямо из бутылки, горестно крикнул и, подложив полотенце Насти под голову, заснул. Спустя пару минут на берегу раздавался его громкий храп, перекрывавший все остальные ночные звуки.

– Всегда мечтала уйти по лунной дорожке, – мечтательно произнесла Настя, вставая с успевшего уже остыть песка и направляясь к воде.

– Русалки всегда уходят по лунной дорожке, – Сашок залюбовался девушкой, стоявшей сейчас напротив луны с ниспадающими в воду волосами.

– Прощай, Сашенька! – не оборачиваясь, тихо произнесла Настя и пошла прямо по лунной дорожке, уходя всё дальше и дальше от берега.

Мужчина заворожённо смотрел на девушку, не в силах оторвать взгляда от потрясающей картины. Никогда в жизни он не видел ничего красивее и необыкновеннее. И никогда в жизни он не хотел быть ни с одной женщиной так сильно, как с этой залётной москвичкой. Потянувшись за бутылкой с вином, поблескивающей рядом с Петькой, достал её и начал жадно пить прямо из горлышка, стараясь утолить проснувшуюся жажду хотя бы этим дешёвым пойлом. Утерев мокрый рот, повернулся к реке, чтобы снова посмотреть на волшебную картину, и замер. Насти не было. Подумав, что она нырнула под воду, Сашок, наконец, решился и тоже пошёл по лунной дорожке в надежде, что сейчас поймает девушку, вынырнувшую где-нибудь рядом с ним. Он шёл молча, пока не стало совсем глубоко, затем поплыл, неторопливо перебирая руками, но никто не плавал рядом, тогда он негромко позвал: «Настя, Настя!». Чёрная вода, обступившая со всех сторон, не двигалась. Сашок тревожно озирался, пытаясь разгля-

деть голову девушки над водой, и заорал уже громко: «Кончай шутить, дура! Вылазь!». Никто не отзывался. Он поплыл к берегу, громко крича: «Вылазь, говорю, вылазь уже! Дурацкие шутки! Вылазь!». На шум из зарослей выбежали Рифат с Мариной. Только Петька продолжал храпеть и никак не реагировал на крики остальных, бегавших по берегу в надежде найти глупо пошутившую, спрятавшуюся от них Настю. Наконец, они устали. Марина, вдруг поняв, что Настя, вероятно, утонула, громко заголосила по-бабьи, выкрикивая сквозь слезы: «Мальчики, ну сделайте же что-нибудь! Мальчики...". Сашок растерянно смотрел на отблески лунного света на реке, затем тихо сказал, словно подвёл черту: «Вот и ушла Русалка по лунной дорожке. Прощай, Русалочка, прощай!»

Глава 3

Сквозь сон Раиса слышала громкий разговор совсем рядом. Проснувшись, минут пять лежала, пытаясь понять, о чём говорят собравшиеся под их забором люди. Хотела было погнать их, чтобы ненароком Лёньку не разбудили, но, узнав голос сына, сразу же вскочила с кровати. На ходу натягивая халат поверх ночной рубашки, направилась к калитке и натолкнулась на входящего Романа. Из короткого рассказа поняла, что Петька прибежал с реки собрать ребят в посёлке, чтобы начать поиски потерявшейся во время купания Москвички.

– Господи, помилуй! Так они ночью что ли купаться попёрлися? – Раиса мелко перекрестилась дрожащей рукой.

– Вечером ушли и дотемна купались вроде. А потом она пошла в воду и... это... всё, – Роман говорил быстро, было видно, что здорово волновался.

– Ох, беда-то какая! Беда! Где же её теперь найдут? Давно течением вниз утащило, наверное. Вода прибывает в Дарье или нет?

– Стоит, поэтому мы все сейчас пойдем её искать. Я только переоденусь. Всё, мам, ты иди в дом, спи.

– Так как тут спать-то теперь? Беда какая! Ох, дурачье пьяное! Весь день пили-пили, а потом ещё и купаться попёрлися, идиоты безмозглые. Господи, прости меня грешную, что поганые слова говорю! – она вновь перекрестилась.

Раиса подумала немного, размышляя о чём-то, затем повернулась к топчану и потрясла мужа за плечо. Лёнька не сразу понял, чего от него хочет жена, но, когда до него дошло, о чём она говорит, вскочил с матраса и засобирался, подтягивая сползшие штаны и заправляя в них изрядно помятую рубашку.

– Ты это, мать, дай мне опохмелиться маленько. А то я совсем не соображаю.

– Иди, всё уже на столе приготовила, – Раиса суежилась на кухне.

– Батя, ты куда собрался? – Роман вышел из комнаты в синем спортивном трикотажном трико и обычной белой майке.

– Так это, с вами, кажись... Вы там, сопляки, одни чего найдёте-то? – Лёнька понюхал водку и скривился с отвращением. – Гадость, зараза.

Закусывая куском хлеба с мясом, он уже бодрым голосом отдавал распоряжения сыну, что с собой нужно взять, чтобы искать утопленницу в реке. Готовился к поиску он основательно, словно шёл на рыбалку в ночное, – взял сеть, багор, вытащил из кладовки мотор для лодки, вёсла и канистру с бензином. Друзья Романа без лишних разговоров взвалили всё на плечи и быстро исчезли со двора вместе с сыном. Лёнька, Петька и Раиса замыкали шествие, негромко переговариваясь.

– Лёня, ты там за Романом пригляди! – крикнула вслед жена. – Пусть не лезет в глубину-то. Прохладно же ночью, ноги судорогой сведёт, не дай бог. Петро, и ты не лезь шибко, небось, ещё хмель не выветрился, – Раиса дошла с ними до главной дороги, откуда шёл спуск к тугаям и к реке.

– Иди, мать, в хату. Всё хорошо будет, – Лёнька махнул рукой в сторону дома, мол, не стой на дороге.

– Куда уж лучше-то. Доигралися, горемычные.

Несмотря на внешнее спокойствие, Раису была мелкая дрожь. Не к месту вспомнился случай из детства, когда во время купания в буйной ещё тогда Амударье, утонула подруга и одноклассница Мария Калбанова. Маша тогда заплывала слишком далеко и не смогла выбраться из течения, понёсшего её вниз по реке с бешеной силой. Когда остальные дети заметили, что она тонет, стали кричать и звать взрослых, однако, было уже слишком поздно. Тело Марии выловили далеко внизу среди тугаёв, где Амударья сбавляла ход и разливалась по округе. Воз-

вращаться в пустой дом с нарастающей в сердце тревогой женщина не хотела, поэтому осталась стоять на дороге, надеясь, что мужчины придут совсем скоро. В душе она молилась, чтобы всё обернулось шуткой. Говорил же Петька, что поначалу Сашок решил, что Москвичка балуется, пугает их, спрятавшись в зарослях турангила. Может быть, так оно и есть. Вот придут сейчас все гурьбой с девкой этой непутёвой и начнут новую пьянку... «Пусть уж пьянствуют со своей музыкой, чем помирать-то,» – прошептала женщина и снова перекрестилась.

Постепенно к Раисе присоединились другие соседки, разбуженные сыновьями и мужьями, отправившимися на поиски к реке. Никто не хотел расходиться по домам – кто-то волновался за своих, а кто-то откровенно любопытничал, предвкушая хотя и грустное, но всё же событие, о котором можно будет посудачить не один день.

Занялся рассвет. Подъехал и притормозил милицейский патрульный газик, выхватив из сумерек светом фар встревоженную группу женщин. Из окна машины высунулся русский лейтенант: «Что случилось? Чего вы все собрались?». Пока собравшиеся наперебой рассказывали о событии, разбудившем их, второй милиционер, молоденький каракалпак, включил шипящую и скрипящую рацию и начал докладывать куда-то о чрезвычайной ситуации. «Дежурная группа уже выезжает, скоро здесь будут», – сообщил он партнеру громко, чтобы и остальные услышали. «Ну, вот, теперь будем тут до обеда загорать, – лейтенант вздохнул сокрушённо. – Я с утра собирался выспаться, а потом мотоцикл отремонтировать. Так, женщины, не расходиться! Будете свидетелями. Максет, давай начнём протокол составлять на всякий пожарный».

– К реке не поедете что ли? – удивилась спокойствию милиционеров Раиса.

– Группу подождём и потом вместе двинем. Они дорогу не знают же, из города приедут, – лейтенант вышел из машины и закурил. – Давно приехала девушка эта к вам?

– Да нет, вроде, неделю как или две назад, – Раиса, стоявшая к милиционеру ближе всех, охотно вступила в разговор.

– У кого остановилась?

– А то вы не знаете?! У Киямихи, конечно! Вот те на! Участковый же уже нырял туда...

– Кстати, Максет, участкового вызывай. Это его работа, а не наша. Мы патруль. Наше дело маленькое, – лейтенант повеселел от мысли, что неприятное дело можно спихнуть на здешних стражей порядка. – Ладно, разберёмся. Только не разбегайтесь, бабоньки, будете показания давать.

Мужчины вернулись в посёлок уставшие и хмурые ближе к обеду. Найти тело Москвички не удалось, хотя, как они говорили, прошерстили всё дно как вверх по течению до самого Тахиаташского моста, так и вниз по течению до самого шлюза. Молодёжь цепью прошлась по прибрежным тугаям в надежде найти хоть какие-то следы. Ни живая, ни мёртвая Настя не нашлась. Городская милиция, приехавшая рано утром, опрашивала всех сначала на берегу, затем, когда стало ясно, что искать уже бесполезно, уехала, забрав с собой Рифата, Сашка, Марину и Петьку. Только один следователь в штатском в сопровождении участкового Василия остался в посёлке. Они долго не выходили от Киямихи, затем приехала ещё одна группа уже с овчаркой, которая взяла след и потащила сыскников снова к берегу реки. Детвора побежала следом за милиционерами, правда, стараясь держать дистанцию, чтобы, чего доброго, ещё не прогнали. Время от времени кто-то из взрослых «случайно» оказывался на берегу, чтобы узнать последние новости, однако новостей не было. Следы Насти обрывались у воды.

Этим воскресным днём посёлок гудел как растревоженный улей. К Раисе по делу и без зашли уже все соседки, чтобы узнать что-нибудь новенькое, только и она ничего не знала, сокрушённо качая головой в ответ на вопросы кумушек. Лёнька куда-то запропастился. Придя с реки, наскоро поел и ушёл, как сказал потом в ответ на расспросы жены, «по делам». Ромка

после бессонной ночи отключился вмиг, как только коснулся головой подушки, хотя сразу после обеда собирался снова к Амударье продолжать поиски.

– Горе ты мое луковое, куда ты пойдёшь? Все же вместе искали и не нашли, – мать не хотела отпускать сына одного, да и боялась, что милиция и соседи, заметив его рвение, заподозрят что-нибудь неладное. – Ты маленько отдохни, а папка придёт, и решите уж как дальше поступить. Только я, сынок, считаю, что не найдёте вы её сейчас уже. Видно, она своими волосами длинными за какую корягу под водой зацепилась крепко. Вот вспухнет и тогда...

– Мама, ну, не надо! – Роман сморщился с гримасой отвращения на юном лице. – Страсти такие жуткие говоришь. Прямо как баба Вася, каркаешь.

– Ну, а как ещё? Куда же она подевалась, если вы её не нашли до сих пор? Уж твой отец-то рыбак такой, что выловит что угодно и кого угодно из Амударьи в два счёта, а вот, поди ты, не смог. Хотя и знает реку как свои пять пальцев, каждый поворот, каждый затон... Эх, жаль девку.

– Да, красивая какая Настя, и волосы какие длинные, шелковистые... – сын грустно вздохнул.

– Ты откуда про волосы знаешь? Щупал их что ли? – Раиса подозрительно посмотрела на Ромку, вспомнив о том, что рассказывал Ерофеич.

– Ничего я не щупал!

– Ты мне лучше скажи, Ромочка, чтобы я знала всё. Милиция пойдёт по домам расспрашивать, им Ерофеич и скажет, что ты на их лавочке с Москвичкой был позапрошлой ночью...

Роман не дал матери договорить:

– Пусть говорит, я ничего не делал плохого. Проводил Настю с дискотеки только. Клавка куда-то умотала с дядей Петей, вот Настя меня и попросила до Киямихиного дома проводить. Что такого? Ну, проводил и всё.

– А на лавочке чего сидели и хихикали? – устроила допрос встревоженная его словами мать.

– Да не хихикали мы вовсе. Присели поговорить о том, о сём. Тут дед вылетел, как ошпаренный, и погнал нас. Обзывался ещё так, что мне вчера даже на глаза Насти попадаться стыдно было.

– Хорошо, ты отдохни, не переживай. Что-нибудь да прояснится к вечеру. Спи, – вздохнула с облегчением мать, зная, что сын врать ей не станет.

Задернув шторы на окнах и включив вентилятор, который дул прямо на кровать, где лежал сын, Раиса вышла из комнаты, чтобы дать возможность Ромке вздремнуть после безумной ночи.

Всё сегодня валилось из рук женщины. Собралась было она устроить стирку, однако сил хватило лишь на то, чтобы разобрать бельё и замочить в разных тазах белое и цветное. Хватаясь то за одно, то за другое дело, она вконец измучилась от грызущей изнутри тревоги. И Лёнька, как назло, всё не шёл домой, чтобы можно было с ним поболтать и унять страхи.

Раисе было страшно за сына. «Если милиция узнает, что он гулял с Москвичкой, придут с допросом домой или, что ещё страшнее, заберут в кутузку на допрос, а там, чего доброго, и бока намнут для острастки,» – изводила она себя думами. Наконец, устала и заварила зелёный чай, сев за столом на кухне, чтобы успокоиться хотя бы немного. Чай пошёл хорошо, и постепенно Раиса от мыслей об утопленнице перешла на домашние дела, размышляя, стоит ли ещё варить варенье или хватит того, что есть. Решив, что будет варить только айвовое варенье осенью, перешла на соленья. Вспотев от горячего напитка и планирования предполагаемого количества законсервированных банок на зиму, Раиса обмахивалась подвернувшейся под руку пожелтевшей от лежания на солнце газетой «Известия». Взгляд упал на начало набранного крупным шрифтом заголовка, обрывающегося на сгибе газеты, – «Дерзкое ограбление ювелир...». Хотя она редко читала газеты, почему-то именно эта статья привлекала внимание. Раз-

вернув «Известия» на столе, Раиса внимательно прочитала рассказ журналиста под заголовком «Дерзкое ограбление ювелирного магазина: расследование ведут столичные сыщики» и задумалась. Затем посмотрела на дату выхода газеты, сверилась с висевшим на стене календарём из журнала «Огонёк», который Лёнька каждый год аккуратно вынимал из середины любимого своего журнала и прибивал маленькими гвоздиками к стене кухни, посчитала дни на пальцах, произнося даты вслух, и снова ушла в раздумья, сердито сведя брови на переносице. Решительно встав, спрятала газету под клеёнку с крупным рисунком из красных и зелёных яблок, поправила сбившийся белый ситцевый платок на голове и пошла к выходу, не забыв снять навесной замок с железного крючка на стене, чтобы запереть калитку снаружи.

Из-за забора Киямихи не доносилось ни звука. Раиса немного постояла, прислушиваясь, затем, опасливо оглянувшись по сторонам, решительно толкнула облупившуюся, когда-то зелёную калитку, сколоченную из гладких добротных досок. Та на удивление легко поддалась, пропустив женщину и тихо захлопнулась сама собой, снабжённая стальной пружиной. Оказавшись в довольно просторном дворе, Раиса позвала Киямиху по имени: «Ирина!». Тишина. Тогда она выждала пару долгих минут для приличия и направилась к открытой двери, занавешенной простеньким тюлем. На железной кровати, стоявшей под навесом, кто-то зашевелился. Подойдя поближе, она увидела дочку Ирки, спавшую в обнимку с мохнатой игрушечной собакой. Девочка вспотела от июльской жары, добравшейся и в тень навеса. Слипшаяся чёлка сбилась набок, обнажив ровный красивый лобик с выступившими на нём крупными каплями пота. Осторожно забрав из рук ребёнка нагревшуюся игрушку, Раиса стянула с кресла грязноватую накидку и повесила её на спинку кровати, чтобы хоть так закрыть от прямых солнечных лучей спящего ребёнка. Осторожно ступая, отодвинула тюль и вошла в дом Киямихи. В темноте поначалу ослепла и первые секунды не знала куда двигаться, потом различила контуры второй двери и тихонько постучала. Из-за двери донеслось хриплое: «Кто там? Серёжка, иди посмотри, кто там пришёл». На Раису снизу вверх смотрел старший сын Ирки.

– Маму позови.

– Зачем тебе она? – Серёжка недружелюбно смотрел на пришедшую в их дом соседку.

– Надо.

– Скажи сначала зачем? – мальчишка и не собирался звать мать.

– Сергей, кто там? – спросила Ирка зло.

– Ирина, это я, тётя Рая. Выйди на минутку, дело есть.

– Сейчас, погодите минутку, – голос женщины сразу же подобрел. – Халат надену. Жара страшная, вот мы и отдыхаем в прохладе, в доме. Носа не высунуть днем.

– Катюшку-то оставили под навесом, – Раиса не утерпела, чтобы не укорить нерадивую мамашу.

– Здравсте, тётя Рая!

Ирка вышла в первую комнату, видимо, служившую её семье и кухней, и прихожей, и гостиной, старательно поправляя торчащие в разные стороны мелкие кудряшки на голове, пережжённые многократными обесцвечиваниями гидроперитом до неприятного жёлто-зелёноватого цвета. Когда-то красивое лицо, сейчас выглядело помятым и серым от многодневных попок. Остатки вчерашнего макияжа создавали на опухших щеках сложный траурный узор, словно злой художник небрежно обвёл голубые глаза Ирки чёрным, промазав пару раз своей краской мимо так, чтобы оставить следы и на щеках. Раиса отметила про себя, что Киямиха, по видимому, даже и не умывалась после вчерашнего. Словно в подтверждение её мыслей, в нос ударил запах немытого тела, отчего она непроизвольно поморщилась. Ирка заметила это и поспешила выйти под навес, поманив соседку за собой. Она старательно прятала припухшие глаза под осуждающим взглядом Раисы и во всё время их короткого разговора пыталась притянуть полы своего старенького выцветшего халатика вместе, чтобы прикрыть белые ляжки. Пуговиц, чтобы застегнуть, не было и в помине, вместо них зияли дырки.

Серёжка, стоя на пороге, старательно прислушивался к тихой беседе матери и соседки, пытаясь понять, о чём они секретничают. Многое из сказанного он не понял, уж больно мудрёно тётка Райка задавала вопросы с непонятными для него новыми словами. Мать же, хотя и старалась шептать, говорила довольно громко, только толку от её ответов, – смысла уловить малец так и не мог, как ни старался. Только последние фразы, сказанные Ирккой, пролили свет на их шептания. «Зачем ей топить? У неё золотых цапок была куча. Живи – не хочу! Утонула по пьяни, ясный пень!» – громко и возмущённо произнесла мать, забыв о спящей дочери. Тётка Райка шикнула на Ирку и вновь они зашептали, стоя в самом углу навеса. Мальчишка потерял интерес к их болтовне, зная наперёд о чём мать будет говорить соседке, – повторять всё то, что ещё ранним утром рассказывала тому дядьке из милиции, который был без формы. А милиционер был ничего мужик, не строгий и важный, как их поселковый участковый, простой вроде. Подал Серёжке руку как взрослому и спросил даже про дела. Только какие у него дела могут быть, когда мамка опять с перепою лежит еле живая и рыгает с самой ночи желчью? Сиди теперь с ней как нянька, а так хочется с пацанами рвануть на Дарью искать Настю-Москвичку. Уж он-то знает, как её нужно искать! Надо в воде высмотреть блики от её золотых колец и цепочек, по ним уж точно утопленницу найдешь. Он с тоской посмотрел на калитку, за которой его ждало увлекательное приключение, но самовольно сбежать не решился, зная крутой нрав рассерженной мамки. Это она сейчас слабая, а отлежится, придёт в себя и будет гонять его как сидорову козу, да и Катюку бросать одну не хочется, малая совсем – ни воды мамке подать, ни тазик вынести вовремя, чтобы дом блевотиной вконец не провонял. Эх, сколько раз Серёжка предупреждал мать перед тем, как она начинала накачиваться вином или водкой, что утром не принесёт ей тазик и кружку с холодной водой, только толку-то. Не слушалась его мать. Одним словом, как баба Маша говорит, непутевая дура она у него. Вот если бы папка был живой... Додумать мальчишке, что было бы, если бы отец не разбился на мотоцикле в прошлом году, не дала проснувшаяся Катюшка. Она потянулась к старшему брату и захныкала. Подхватив сестрёнку одной рукой, другой Серёжка всунул ей игрушку-собаку и вошел в прохладу дома, чтобы посадить Катю на горшок. Пока он возился с кашей для малышки, соседка ушла. Мать вошла в дом и без сил опустилась на стул, попросив принести воды из холодильника. Жадно пила из стеклянной литровой банки, пока на донышке не осталось совсем чуть-чуть, только после этого оторвалась и глянула на детей виноватым взглядом побитой собаки. Катя улыбалась и лопотала что-то ласковое лохматому псу, тиская его мягкие игрушечные бока. Увлечённая игрой, она не обращала никакого внимания на смотревшую на неё мать. «Всё!» – сказала она брату, вставая с синего пластмассового горшка.

Серёжка по привычке кормил сестрёнку с ложечки, хотя ей было уже три года, и она могла самостоятельно держать ложку, но ему казалось, что сама она нормально не поест, больше размажет по столу еду, чем в рот занесёт. Поэтому он старательно дул на манную кашу, которую только что сварил на воде, и аккуратно подносил ко рту Кати. «Бяка! Невкусно!» – сестрёнка попыталась выплюнуть еду, но Серёжка так строго глянул на неё, что Катюшка тут же смиренно проглотила противную кашу. Пришедшая Клава с ходу принялась укорять Ирку:

- Ты бы умылась что ли, смотреть на тебя страшно.
- Сил нет, плохо мне, – Ирка сглотнула подступающую к горлу тошноту.
- Ополоснись в душе под холодной водой, сразу полегчает, – сестра не сдавалась.
- Вода там есть? Набрал кто-нибудь? – Ирка, встала.
- Я натаскала воды утром в душ. Иди, иди. А кстати, чего тётя Рая у вас делала?
- Потом расскажу, – было видно, что Киямиха страдала от острого похмелья так сильно,

что не могла даже говорить долго. Она, с печатью мученицы на лице, выбирала более-менее чистое полотенце среди нескольких грязных, как попало висевших на вешалке.

– Я вот весь день думаю, Настя ведь чего-то боялась... С её деньгами могла и в городе у Нины-«золотой» остановиться, но нет, в посёлок приехала со мной. По-моему, она что-то

натворила у себя в Москве и сбежала в наши края. Вроде и смелая, а как мента увидит, аж в лице вся меняется...

Сестра, слушавшая её доселе внимательно, даже кивая в знак согласия, заметила со злой досадой в голосе:

– А ты не могла мне раньше всё это сказать что ли? Теперь менты нас затаскают, как пить дать. Если бы ты поостереглась раньше... – но Клава уже не слушала её.

– Если бы, да кабы, выросли бы грибы, да, Катюха? Ну, куда вы с бабой вчера гуляли? – она переключилась на племянницу, подхватив девочку на руки и закружив по тесной комнате. Та была рада-радешенька избавиться от опеки строгого брата и невкусной манной каши, и с удовольствием начала рассказывать тётке о вчерашней прогулке в город с бабушкой.

Серёжка быстро бежал босиком по обжигающему песку к реке в надежде увидеть что-нибудь интересное и застать пацанов на берегу. Он успел уйти из дому под шумок, пока мать мылась в душе во дворе, и не хотел думать о последствиях, которые его могли ждать вечером. Хотя, Клава всегда защищала его, однако оклемавшаяся от попойки мать могла надавать хороших подзатыльников, несмотря ни на кого, если, конечно, снова не наберётся до чёртиков. В то, что она будет снова пить сегодня, Серёжка не верил, уж больно сильно болела в этот раз она, мучаясь тошнотой с самой ночи, когда их разбудил криками дядя Петя. Да и милиция может в любой момент снова нагрянуть, сказал же тот дядька ей, что, мол, беритесь, Ирина, за ум, не то придётся вам расстаться с детьми. Мать, и так до смерти напуганная пропажей Москвички и приходом не привычного знакомого участкового, которого она и в грош не ставила, а солидного следователя из ГОВД, только тупо кивала в ответ, соглашаясь с доводами мужика без формы. «Так тебе и надо, будешь знать как пить, непутёвая», – мальчишка даже сплюнул в сердцах, произнеся свои мысли вслух. Затем быстро нырнул в жидкую тень турангила, вздохнув с облегчением только тогда, когда поставил нестерпимо горящие подошвы на прохладный кусочек песка. Постояв пару минут и передохнув, пацан с новыми силами рванул к берегу, сгорая от детского любопытства и желания самому отыскать утонувшую Настю.

Раиса от Киямихи не пошла сразу домой, а повернула в сторону магазина в надежде найти там мужа, «соображающего» с другими мужиками на «троих». Но Лёньки среди постоянных клиентов полной продавщицы Оразгуль не было, и никто не мог внятно сказать, где он. Говорили, что де видели его на реке утром, потом в посёлке вроде где-то видели, на базарчике и всё. Но Раиса, казалось, нисколько не расстроилась и, как бы между прочим, спросила Оразгуль о том, была ли вчера в магазине Москвичка. Продавщица, уставшая от алкашей, вот уже битый час выцыганивавших в долг поллитра, была рада переключиться с них на нормального человека и рассказала, как весёлая компания пришла к ней вчера за покупками. Она перечислила, что они купили по пунктам и кто расплачивался. Даже вспомнила, что девушка русская, та, что утонула ночью, вынула из кармана червонцы, свернутые трубочкой и стянутые обычной резинкой для волос, и заплатила. Довольная, что поделилась информацией, продавщица заметила с легкой завистью, что у Москвички были кольца очень красивые и дорогие. «Я её спросил, где покупала такой хороший кольца золотой с бриллиантом, но она только смеяться делала. Говорит, никакой не бриллиант это, просто стекляшка. Только, Рая-апа, я же не дура. Бриллиант знаю какой. У меня тоже есть одна кольца с бриллиантом, только маленьким совсем. Она думал, Оразгуль совсем ничего не видит, я заметил бриллиант и в кулоне на цепочка был, – и, понизив голос так, чтобы мужики не услышали, добавила, сделав заговорщицкие глаза. – Рифат её убил и золото забрал. Петька не убил, не мог, слабый он. И Сашок не убил. Рифат мог, он злой и жадный. Тауба кылдым, тауба кылдым!»⁶. Оразгуль суеверно поплевала за воротник белого халата. Раиса выслушала её внимательно, понимающе кивая. Немного подумав о чём-то своём, неожиданно попросила продавщицу припрятать для

⁶ Тауба кылдым! – что-то вроде русского «Чур меня!» (каракалпакский язык).

неё сахар, если завезут на днях. «Ты мне тоже варенье делай, Рая-апа, пойдёт? Я тебе сахар, урюк, банка-крышка принесу домой, когда у тебя время есть. Сама с утра до ночи тут, никого дома нет варенье делать. И сахар тебе будет сколько надо. Мешок хватит?» – Оразгуль ожидающе смотрела на непривычно задумчивую приятельницу, которая в этот момент думала о чём угодно, но только не о банках и варенье.

Раиса вернулась домой, глянула на мирно спящего Ромку через щёлку в приоткрытой двери, потом постояла немного во дворе, всё ещё раздумывая о чём-то важном, глянула на свои маленькие часики и опять вышла на улицу.

Стоя у соседского забора на пригорке, она наблюдала за автобусной остановкой. Вот подъехал старенький жёлтый автобус ЛАЗ из города, заполненный людьми до отказа. Из открывшихся дверей, как сухой горох из пачки, высыпались пассажиры с огромными базарными сумками, детьми и новыми вениками, которые можно было купить только по воскресеньям на городском рынке. Раисе было жаль, что она не среди этих потных, уставших, но довольных пассажиров, возвращающихся с продуктами и всякой всячиной из города. Сейчас они степенно пойдут домой, демонстративно неся тяжёлые и не очень покупки, чтобы соседи могли от души позавидовать им, потом будут разбирать сумки...

Раиса дождалась, когда опустевший автобус развернётся на их, конечной остановке, и подошла поздороваться с вышедшей освежиться знакомой кондукторшей, работавшей на их рейсе каждый божий день вот уже много лет. Тётя Рита с нескрываемым любопытством поинтересовалась об утопленнице, но Раиса отрицательно покачала головой, сказав, что не нашли пока тела. Затем сама спросила кондукторшу, не видела ли она Москвичку в автобусе на днях, на что получила полный отчёт. Пожилая женщина спешила выболтать всё, что знала, словно ждала с нетерпением Раисиних вопросов не один день. Она и видела эту девку с Сашком пару дней назад, и слышала, как они говорили про проданные по дешёвке армянину-ювелиру серьги, и даже заметила, сколько денег было в руках девушки – куча десятков красненьких. Поджав тонкие, аккуратно накрашенные розовой помадой губы, кондукторша добавила, что ей утопшая совсем не понравилась, хотя и красивая была, но холодная и гордая, как змея. Шофёр, слушавший женщин, не выходя из кабины, крикнул и засмеялся со словами: «У тебя, Маргарита Петровна, все бабы змеюки подколенные. Одна ты у нас королева распрекрасная». Кондукторша, сделав вид, что не услышала колкость водителя, добавила, чуть склонившись к Раисе: «И золота на ней было чуть ли не с килограмм. Какая нормальная советская женщина будет разгуливать с золотыми цепями на шее среди бела дня? Только аферистка или воровка залётная. Попомни мои слова, Раиса, выплывет на свет ещё тёмная история про вашу эту Москвичку. Не простая девка-то была, совсем не простая. Это тебе не ваши простодыры Клавка с Ирой».

Поздним вечером из милиции вернулись уставшие, измотанные долгими ожиданиями в коридорах ГОВД и допросами, Сашок, Рифат, Петька и Марина. Выйдя из автобуса, молча разошлись по домам, словно незнакомые люди. Никто из них даже не взглянул на стоявший неподалеку дом Киямихи, куда их до ночного происшествия просто магнитом тянуло. И никто из них не заметил тётю Раю, внимательно наблюдавшую за ними из-за своего забора. Дождавшись, когда они разойдутся, она двинулась следом за Сашком, аккуратно прикрыв свою калитку и подперев её поленом снаружи, что означало для всех, что она где-то рядом. Догнав парня уже в переулке, рядом с его домиком, где он жил со старушкой матерью, Раиса окликнула его полным именем – Александр. С непривычки Сашок даже не обратил внимания на её голос, но она повторила, и он повернулся на зов, сообразив, что кто-то зовёт именно его. Поговорив с ним совсем недолго, сыщик в юбке вернулся к себе озадаченная. И вовремя.

Роман проснулся на закате и сейчас недовольно выговаривал матери за то, что не разбудила его пораньше. Появился словно из неоткуда Лёнька, абсолютно трезвый и серьёзный как

никогда. Сын и мать встретили его вопросом: «Нашли?» Он тоже отрицательно покачал головой, как это сделала Раиса во время разговора с кондукторшей тётей Ритой на остановке. Пока хозяйка накрывала на стол, разогревая вчерашний борщ и нарезая свежий салат из помидоров и огурцов с луком, муж курил, сидя на топчане во дворе и рассеянно сбрасывая пепел себе под ноги.

Словно сговорившись, они и словом больше не обмолвились о Москвичке, перекидываясь ничего не значащими фразами. Ужинали в комнате, дружно уставившись в телевизор, по которому шла очередная воскресная серия знаменитого фильма «Место встречи изменить нельзя». Капитан Жеглов, которого талантливо играл Владимир Высоцкий, чеканил: «Вор должен сидеть в тюрьме!» – рубя ребром ладони воздух, словно тонкие шеи жалким воришкам. Лёнька хмыкнул, мотнув недоверчиво подбородком. Жена посмотрела на него удивленно, но ничего не сказала, увлечённая полюбожившимся фильмом. Роман даже не заметил движения отца, поглощённый действием, разворачивающимся в очередной серии. Казалось, он напрочь забыл и о ночном происшествии, словно это и не он вовсе носился как сумасшедший по реке с отцом, методично тыкая багром в воду, стараясь достать до дна, где, возможно, могла оказаться Настя, зацепившись длинными волосами за корягу.

Когда фильма закончился, семья вышла во двор на свежий ночной воздух, чтобы после ещё одного знойного дня вдохнуть глубоко не раскалённый жар, а благодатную прохладу. Лёнька закурил дешёвые сигареты «Прима», стараясь не выдыхать в сторону жены, недовольно морщившейся от едкого дыма. Роман нерешительно топтался по двору, подбираясь всё ближе и ближе к калитке, чтобы улизнуть на улицу, где его, вероятно, уже поджидали друзья, но под строгим взглядом трезвого отца робел. Наконец, он не выдержал и осторожно спросил:

– Батя, ну я пошёл? Погуляю маленько с пацанами и назад.

– Я те погуляю. Вон дядька твой нагулялся вчера. Посадят их всех теперь по полной программе.

– За что? – вскинулась Раиса.

– За убийство, вот за что. Скажут, золото с Насти этой сняли, продали, а её утопили. Вот бог меня оберёг, хорошо, что я пьяный спал. И все видели, что я дома спал.

– Я тебя уберегла, как чувствовала, что что-то случится плохое. А ты всё рвался к Киямике, как дурной...

– Хватит, больно разговорчивые все стали. Посидим ещё маленько и спать. Завтра нам на работу. Это у тебя, мать, отпуск, понимаешь ли, а нам пахать надо будет весь день, как проклятым, на жаре. Всё, Ромка, отбой.

Мужчины укладывались во дворе, а Раиса ушла в дом, чтобы не дышать вонючим дымом от Лёнькиных термоядерных сигарет, которые он курил одна за другой. Достав старую газету из-под клеёнки на столе, она включила свет в комнате, не боясь, что налетят комары и мошкара, так как окна были затянуты двойным слоем марли, и снова принялась читать статью об ограблении ювелирного магазина в Москве, останавливаясь и перечитывая отдельные абзацы, особенно те места, в которых журналист давал описания предполагаемых грабителей, записанных по словам случайных свидетелей, и описания украденных изделий. Поцокав языком и недовольно покачав головой, Раиса снова спрятала газету на прежнее место, решив с утра съездить на рынок в город за покупками.

Глава 4

– Почём вот это колечко, с красным камешком?

– Три пятьдесят. Тут же написано. Смотри, да! – армянин-ювелир оторвался от работы и недовольно посмотрел на женщину, вот уже добрых полчаса разглядывающей его товар, выставленный за стеклянной витриной-окном ювелирной мастерской. Сам он сидел за столом с инструментами, стуча молоточком и поглядывая время от времени на прохожих.

– Да? Где? Ааа, да, вижу. А кольцо-«лодка» только с красным камнем продаётся? Мне бы с зелёньким?

– Женщина, никто «лодку» с зелёным камнем не носит. Ты первая спрашиваешь, да. Слушай, тебе что надо, а? – Спартак подозрительно смотрел на Раису, которая приценивалось то к одному, то к другому кольцу, сделанному из меди и отшлифованному до «золотого блеска», но покупать и не собиралась.

– Вообще-то я хотела продать цепочку золотую, – понизила голос женщина.

– А я тут причём? Иди в ювелирный магазин, там спрашивай, там по госцене у тебя сразу возьмут цепочку твою как лом.

– Так то по госцене... Дёшево выйдет.

– И что?

– Так говорят, что ты хорошую цену даёшь. Ты хотя бы просто посмотри, скажи, сколько может стоить цепочка. Я же не знаю цену, мне подарила свекровь давно уже, а я и не спросила почём та покупала. Умерла свекровь-то. А мне деньги во как нужны, – Раиса резанула ребром ладони по горлу.

– Кто сказал, что я покупаю золото, а? Спартак честный человек, Спартаку такие дела не нужны. Может, ты воровка, а потом Спартак в милицию за тебя пойдёт отвечать, да? – ювелир грозно сверкал чёрными глазами.

– Так люди говорят...

– Ничего не знаю, да. Иди к тем, кто тебе такое сказал и плюнь им в их бесстыжие глаза. Скажи, что Спартак в следующий раз сразу «ноль два» вызовет, да.

– Да я же просто попросила оценить цепочку-то. Я же не прошу купить её у меня, – Раиса пошла на попятную, испугавшись бурной реакции армянина. – Предложу потом на работе девчонкам. Мне бы только цену...

– Что ты там стоишь и внимание привлекаешь каждого, да? Зайди в будку и посмотри кольца, вот ещё есть, – ювелир достал из-под стола деревянную досточку, обшитую чёрным бархатом, на которой было нанизано множество блестящих дешёвых колец с вставленными разноцветными стекляшками вместо самоцветов. – Давай сюда. Взвешу сначала, потом цену скажу. Рубль заплатишь, да? За доброту мою, да. Никому Спартак не может отказать, особенно женщине.

Раиса быстро сняла цепочку с шеи и передала ювелиру, который тут же отвернулся к столу за спиной, где стояли ювелирные весы и коробка с гирьками разных размеров. Украдкой поглядывая, как Спартак капает пипеткой какой-то жидкостью на золото, а потом взвешивает, Раиса делала вид, что рассматривает и меряет кольца. Развернувшись к витрине, ювелир спросил негромко:

– Сама сколько хочешь за цепочку?

– Так не знаю...

– Шестьдесят рублей дам, да. Если тебе срочно деньги нужны, да.

– Ой, нет, это совсем мало же.

– Как хочешь, хозяйка. Вот твоя цепочка, да.

– Так сколько весит-то? И за сколько продать её можно?

– Ты точно уверена, что она твоя, да? А то я всяких вижу тут на базаре... – не дав ему договорить, Раиса перекрестилась.

– Вот тебе крест, моя.

– Шестьдесят пять дам.

– Нет, маловато что-то. Ты мне скажи, сколько можно за неё просить. Сегодня я её всё равно уже решила не продавать, – Раиса надела цепочку на шею и спрятала под платье.

– Деньги давай за оценку, да.

Забирая сложенный рубль, Спартак внимательно посмотрел на просительницу, одним взглядом оценив её и сделав одному ему известные выводы.

– Проси сто, отдашь за восемьдесят, да. Запиши вот на листочке, сколько грамм весит, а то забудешь, да, пока до дома доедешь, – и громко засмеялся, показав большие прокуренные зубы.

– Вот спасибо вам! Так и сделаю, спасибо ещё раз. Сразу видно, что вы честный человек, не обманете никого. А то, знаете, такие жулики иногда встречаются. Вот у меня племянница на днях продала какому-то ювелиру серьги с жемчугом всего за двести рублей. Представляете? Я её потом ругала-ругала, но толку-то? Пропали серьги. Назад же тот человек не отдаст за те же деньги, наверное. Как думаете?

Добродушная улыбка мгновенно исчезла с небритого лица Спартак, и он снова подозрительно посмотрел на простую вроде бы женщину, русскую, одетую не броско, даже бедно. На переодетую ментовку вроде не была похожа. Значит, говорит правду. Ювелир, сделав вид, что болтовня женщины его нисколько не интересует, вернулся к работе, всем видом демонстрируя, что говорить им больше не о чем, хотя сам внимательно прислушивался к каждому сказанному Раисой слову.

– Мать её вот-вот вернётся из гостей. В Киев она поехала к родственникам на лето. Так вот, вернётся, такой шум поднимет. Я уж её знаю. Племяннице попадёт по первое число. И обязательно пойдёт с милицией к тому ювелиру. Я бы и сама пошла к нему сейчас, чтобы тихо-мирно уладить дело до её приезда, да денег у меня таких нет. А племянница дома плачет день и ночь, мать свою боится до смерти. Деньги-то истратила с подругами уже все. Вот горе-то! Думала, продам цепочку и попробую купить серьги, но не хватит, видимо. Даже не знаю, что делать теперь, как девчонку спасти?

Ювелир посмотрел на Раису исподлобья, продолжая молчать. Но она уже поняла, что испугался, – рука с молоточком не опускалась на заготовку с прежней силой, рождая бодрое «тук-тук». Сделав короткую паузу, она продолжила пугать Спартак:

– Сестра моя в горотделе всех знает, работала когда-то там сама до пенсии. Её там все уважают. Цветы на день милиции дарят, грамоты вручают по праздникам.

– Слушай, женщина, что ты мне голову морочишь, да? Не видишь, я работаю, да? Иди давай уже. Мне твои проблемы не нужны. Иди, иди, да!

– Да, пойду я, спасибо, что оценили цепочку. Да... А сестра послезавтра приезжает. Ох, и достанется тому ювелиру за такие дела. Посадят, наверное. Жалко человека, у него тоже семья есть, небось, дети опять же. Даже не знаю, что делать. Ни за что пойдёт в тюрьму человек, за ерунду какую-то.

– погоди, да. Я тебе как честный человек совет дам, да. Ты своей племяннице скажи, чтобы в долг взяла у кого-нибудь двести рублей и пошла к тому, кому продала серьги, попросила по-человечески, да. Что, он не человек что ли? Не поймет, что девчонка глупость сделала, да? Отдаст серьги. Точно говорю, да. Все ошибаются. Поймёт он её, да. Так и передай. Только пусть быстро делает всё, да.

Раиса торопливо закивала головой, показывая, что поняла его правильно. Спартак проводил её долгим взглядом, полным тревоги, вернулся было к своей работе, но всё валилось из рук. Посидел ещё немного, задумчиво шлифуя медную заготовку тряпицей, затем повесил табличку

«Обед» на витрину изнутри и закрыл мастерскую на навесной замок. Шел он быстро, не замечая осторожно пробирающуюся среди прохожих Раису. В неброском летнем платье с рукавами до локтя, белом в крапинку платке, легких босоножках и с цветной капроновой сеткой в одной руке, она была похожа на многих домохозяек, пришедших за покупками на рынок этим утром. Погружённый в свои невесёлые думы, ювелир свернул с центральной улицы, ведущей к базару, на узкую улочку с одноэтажными частными домами, закрытыми от чужих глаз высокими глинобитными заборами, выбеленными известкой. В калитку одного из домов он и вошёл, просто толкнув её. «Значит это его дом», – подумала Раиса, бросив цепкий взгляд на металлическую табличку с номером и названием улицы – Ахунбабаева, 13. Выждав какое-то время, она нажала на звонок, выступающий черной кнопкой в стене рядом с калиткой. Залаяла собака, гремя цепью по бетону двора. Никто не торопился открывать, тогда Раиса нажала ещё раз, продержав палец на кнопке чуть дольше. «Лежать, Герда! Фу! – раздался за забором женский грудной голос. – Кто там?». «Откройте, пожалуйста, я к Спартаку по серьёзному делу!» – «сыщик в юбке» решила уже не конспирироваться и идти напролом к своей цели – увидеть серьги, проданные Настей ювелиру.

Переговоры со Спартаком под тяжёлым взглядом его благоверной заняли пару минут. Испуганный донельзя ювелир даже не стал отпираться, что это он купил по дешёвке украшения, и на просьбу Раисы показать серёжки, удивленно вскинул густые чёрные брови, но тут же сделал знак жене, чтобы принесла их из дому. Одарив посетительницу недобрым взглядом из-под заплывших жиром век, тучная невысокая армянка плавно вошла в дом, предварительно плотно прикрыв за собой дверь. Спартак, только что смотревший на неожиданную гостью как затравленный заяц, немного успокоился и закурил, глубоко затягиваясь, словно хотел сигаретным дымом вытравить страх, сидевший в его крепком теле. По слегка дрожащей руке, державшей сигарету с фильтром, было видно, что он всё ещё волнуется, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным. Выдыхая дым, он не хотел смотреть в сторону опасной, по его мнению, женщины, однако любопытство взяло верх, и незадачливый ювелир ещё раз про себя отметил, что перед ним обычная женщина – не богатая, без университетского диплома, простая на вид русская баба, каких он из окна-витрины своей мастерской видит сотнями ежедневно. Решив подождать, какой ещё номер она выбросит, Спартак, решил не заводить разговора, тем более всё внутри продолжало жалко дрожать.

Ждать пришлось долго. Раиса занервничала, страхась своего чересчур храброго и наглого поступка, а главное, возможных последствий. А вдруг жена Спартака сейчас звонит в милицию? Только об одной мысли, что её могут обвинить в чём-то постыдном, ей стало жутко. Сделала вид, что с интересом рассматривает двор ювелира с деревянными подпорками, на которых раскинулся виноградник, и несколькими фруктовыми деревьями, она незаметно отступала к калитке, готовая в любой момент убежать. Но женщина, наконец, вышла из дома, зажав в большой руке кусок красной ткани, в которой, когда она её развернула перед Раисой, оказались изящные золотые серёжки. Несмотря на небольшой размер, сделаны они были искусно: внутри нежного золотого цветка из четырех тонких лепестков покоилась снежная жемчужина, с трех сторон крепко схваченная лапками из какого-то белого металла. Из такого же металла был сделан стебелёк цветка, на котором крепилась застёжка. Серебро что ли? – пронеслось в голове сыщицы.

– Что теперь? – хриплым голосом спросил ювелир.

– А что это за белый металл? – вопросом на вопрос ответила Раиса.

– Платина это, самый дорогой металл, дороже золота, да. Ты что, серьги племянницы не знаешь как выглядят? – Спартак смотрел на гостью подозрительно.

– Скажите, это вот про эти серьги здесь написано? – она откровенно игнорировала его вопросы, погружённая в свои мысли. Достав аккуратно сложенную газету из капроновой сетки, протянула армянину-ювелиру, ткнув пальцем в нужное место.

Нарезая хлеб на старой потрескавшейся разделочной доске, Раиса внимательно наблюдала за сыном. Ромка выглядел расстроенным. Вчерашнее возбуждение прошло, уступив место какому-то детскому недоумению и сожалению о случившемся. Ел он с аппетитом, и вроде, ничего в нём не изменилось внешне, однако потухший взгляд говорил матери, что парень переживает, столкнувшись со смертью лицом к лицу. Одно дело, когда кто-то из стариков умирает в посёлке, – думала мать, – подавая Роману тарелку с крупными ломтями свежего хлеба. Все, включая детей, воспринимают это как необратимое, и относятся к смерти более-менее спокойно, помогая на похоронах. И другое дело, когда уходит из жизни кто-то молодой, с которым ты, накануне его или её смерти, говорил, смеялся, делился планами на будущее или просто оказался в кино на одном сеансе. Такая внезапная и несправедливая смерть ужасает каждого, словно зло напоминая, что она всегда рядом и может забрать не только больных и немощных, а любого, кто ей приглянется. Смерть детей и молодых людей действовала и на Раису угнетающе, заставляя дрожать и душой, и телом. Молясь за здоровье единственного сына ещё страстнее и дольше, чем обычно, она была готова впасть в тоску и только глубокая вера в справедливого Бога и Богородицу, спасали её в тёмные ночи, полные страхов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.